

**СЕРГЕЙ
МУРАШЕВ**

**Проза
Русского
Севера**

Ленты Мёбиуса

Проза Русского Севера

Сергей Мурашев

Ленты Мёбиуса

«ВЕЧЕ»

2019

Мурашев С. А.

Ленты Мёбиуса / С. А. Мурашев — «ВЕЧЕ», 2019 — (Проза
Русского Севера)

ISBN 978-5-4484-8014-0

Алёша, молодой парень, утратив веру в призрачные блага городской цивилизации, решает бросить техникум и уехать в деревню, на далёкую родину, которая, по рассказам матери, представляется ему чудесной страной. Друг Сергей поддерживает его в этом. Впереди его ждут и росистые травы, и густые туманы над рекой, и романтические встречи на закате, и конечно же живописный мир русской северной деревни с его особенным колоритом, людскими судьбами и характерами.

ISBN 978-5-4484-8014-0

© Мурашев С. А., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Ленты Мёбиуса	6
Часть первая	6
Часть вторая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Сергей Анатольевич Мурашев

Ленты Мёбиуса

© Мурашев С.А., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Ленты Мёбиуса

Часть первая

1

Весна. Ледоход на реке уже прошёл. Половодье. Пахнет землёй, умывшейся талым снегом. По голубому небу плывут лёгкие облака. Они настолько лёгкие, полупрозрачные, что почти не закрывают яркого лучистого солнца.

Этот берег реки широкой луговиной, пологий, затоплен далеко. Противоположный – крутой, по нему деревня. У самой воды сгрудились бани, рядом с которыми привязан тросом длинный, вытянувшийся вдоль берега плот. По реке, по самой быстрине, на лодке долблёнке, почти незаметно направляя её веслом, несётся мужик. Бородатый, в рубахе с закатанными рукавами, а на голове ушанка, оба уха у неё подняты вверх, но не связаны.

Мужик, ловко загребая веслом то с одной, то с другой стороны, повернул к пологому берегу. Проплыл совсем рядом с затопленным столбом идущей к деревне электролинии. В небольшом зале, встав в лодке, подцепил веслом и принялся выбирать сеть. Он поднимал её, блестящую на солнце, слегка отряхивал мусор, и за тетиву подтягивал лодку дальше. Посредине сети попала небольшая щучка, она не заусилась по-настоящему, и мужик легко продёрнул её в глазок, кинул в отделённый перегородкой нос лодки. Почувствовал по тетиве, что есть что-то ещё... И действительно, уже ближе к шесту, к которому привязывал сетку, поднял из воды щуку с икрой килограмма на три. Он уверенно заломал ей голову. Рыбина, видимо, когда старалась освободиться, нахvatала в пасть много сети, поэтому распутывать неудобно: нити ячей зацеплялись за частые зубы... Наконец рыбачок вынул щуку, кинул к маленькой, которая, разбрызгивая скопившуюся в носу лодки воду, отчаянно забилась, жёстко стучаясь о дно и борта. Большая, почувствовав, что не одна, даже с переломленным позвоночником, тоже несколько раз сильно ударила хвостом.

На реке послышались всплески. Рыбачок, не боясь опрокинуть лодку, круто обернулся. ...В стороне от зала, разбивая водную гладь весеннего разлива, бежал большой чёрный пёс. Он, плывя от деревни, достал наконец лапами дно. Пёс выскочил на берег, отряхнулся на бегу, пыль брызг с его шерсти, поймав солнечные лучи, украсилась радужными ленточками.

– Вот какой! – крикнул рыбачок. – Переплыл?!

Пёс между тем гонял вдоль по кромке воды туда-обратно, делал по берегу круги... Хозяин наблюдал за ним.

– Грейся, грейся! Сейчас назад поплывём... – Тут рыбачок перевёл взгляд с собаки в поле, окаймлённое по краям голым ещё леском.

По полю, по дороге с разьеженными колеями, тянула, чёрная цветом, довольно большая легковая машина. «Какая-то не русская... – подумал рыбачок; и вдруг решил: – Джип!»

Джип миновал стоящий среди поля, давно выстроенный, но так и не пущенный в эксплуатацию, совсем новый на вид, телятник, проехал ещё метров сто и остановился у кромки воды.

Из машины вышла женщина в модном джинсовом костюме, глядя на деревню, крикнула: «Эй!», замахала руками; в джипе противно просигналили. ...Собака, удивлённо наблюдавшая за приехавшими, после сигнала с лаем понеслась в их сторону, что заставило женщину спрятаться в высокую кабину машины, хлопнув дверкой.

На свист хозяина собака не обращала внимания, и он вдоль по берегу, толкаясь веслом в дно, поплыл к джипу. Приткнул лодку в том месте, где дорога уходила под воду.

От машины пахло нагретым двигателем, бензином.

Рыбачок не торопился выходить на берег, спокойно сидел в лодке. Прислушивался к утиним крикам где-то на реке, к переключу гусей высоко в небе, иногда, придерживая рукой ушанку, запрокидывал голову и искал взглядом очередной, не в меру раскричавшийся, перестраивающийся на лету, косяк. Пёс, широко расставив передние лапы, стоял в метре от машины и громко, резко лаял, успевая всё же помахать хвостом.

...Из открытого окна машины высунулся пожилой коротко стриженный мужчина в пиджаке.

– Перевези нас в деревню, мы заплатим, – попросил он.

– «Переправа-переправа: берег левый – берег правый». Да ты вылезай из машины! – Рыбачок зачем-то подмигнул. В его густой вольно растущей рыжеватой бороде таилась улыбка.

– ...А собачка?

– А что собачка? Не бойсь, выходи давай... Бобик! Бобик! – позвал он. – ...Не съест он тебя, в самом деле. – Снова крикнул: – Бобик! Бобик! Бобик!

Собака почти не обращала внимания на хозяина, но лаять перестала. Мужчина осторожно открыл дверку, тихонько свистнул. Пёс доверчиво подбежал, принялся заластился, зачистил хвостом.

– Бобик и есть, – кивнул рыбачок в сторону собаки, а сам, щуя один глаз, что-то обдумывал...

– Е-ме-ля!!! – неожиданно громко крикнули из деревни. Крик этот, проскакав по водной глади умело пущенным плоским камешком, достиг своей цели.

Рыбачок встал на крик и, глядя на противоположный берег, неопределённо махнул рукой...

– Емеля!! Перевези их ко мне! Я их обратно на резинке!..

– Так вы к Серёге? – спросил Емеля.

Мужчина, уже вышедший из машины, кивнул. Он внимательно прислушивался к тому, что ещё кричат с того берега, хотя разбирать становилось всё труднее и труднее – хрипловатый голос Серёги заметно ослаб.

Емеля веслом выхлестал накопившуюся в лодке воду. Пригласил садиться.

Женщина села на корточки посередине лодки, мужчина – захватив из машины большой, громко шуршащий пакет – сразу за ней.

Старая лодка, крепко прогудроненная внутри, шла тяжеловато, но от груза сев глубоко, почти не качалась. На быстрине лодку потащило!.. Емеля, едва справляясь с течением, стал загребать чаще. Иногда весло глухо стучалось о борт... в который скреблась вода.

...Лодку снесло и она причалила к берегу ниже деревни, там где летом устраивали по мели переезд, а теперь выбирались из воды две колеи, по оголённой от растительности глине которых ещё недавно стекала вешняя вода. Берег здесь не такой крутой – от деревни он постепенно становится всё положе и положе и вскоре опускается на нет. ...От переезда к деревне шла едва заметная тракторная дорога.

Емелины пассажиры, цепляясь руками за прошлогоднюю траву, вылезли на берег, постояли немного, приводя в порядок одежду, и пошли к деревне, к спешащему навстречу Серёге. Женщина, забирая из рук мужчины пакет, сказала напоследок: «Спасибо». Мужчина промолчал, у него дрожали ноги.

Бедного Бобика снесло по течению ещё ниже лодки. Он, похоже, подустал, так как, пробираясь через прибрежные затопленные кусты, заскулил жалобно. Правда, как только оказался на берегу, обрадел, даже несколько раз лайнул голосом неожиданно звонким для такой крупной собаки.

Емеля, стерев со лба пот, посмотрел на противоположный берег. Если этот становился здесь совсем пологим, то противоположный, наоборот, после залога, в котором стояла сетка, набирал крутизны, поднимался высоким холмом. По холму, радуя глаз, часто росли молодые берёзки.

* * *

С полудня, как только пришёл от сестры, которой заносил рыбу, Емеля сидел на лавочке около дома. Дом большой, высокий, поставлен на приволье у самого спуска к реке. Иногда Емеля, сменивший ушанку на оставленную внуком бейсболку, не глядя совал руку в ветреницу и доставал оттуда полутаралитровую пластиковую бутылку с молоком, заботно налитым сестрой. Молоко под домом не нагревалось и, со временем, даже остыло. Холодное. Емеля вытягивал несколько крупных глотков прямо из горлышка и убирал бутылку обратно под дом.

От дома под гору, чуть наискосок, спускалась дорожка, с вырытыми в плотной глинистой почве ступенями. Для укрепа на каждую ступень положена доска.

Внизу, перед дышавшей холодной влагой широко разлившейся рекой, на небольшом, словно специально для этого предназначенном, мыске, дружной семьёй сгрудились бани. К бревенчатой стене крайней из них прислонена бортом перевёрнутая Емелина лодка. Она недавно выкрашена в красный цвет, но поверх краски набита уже вырезанная из жестяной консервной банки заплата. Емеля по весне, как хороший хозяин, всегда оставляет свою лодку долгожительнице под боком у бани – от солнца прячет. Лучи его в эту пору, в отсутствие травы, только не прикрой лодку, нагреют её так, что заплачет она чёрными струйками гудрона, залитого на дыры и трещины. ...Ещё бы! Емеля знает, что лучи эти, расплавив снег, выпивают вешнюю воду, легко пронзают избыточную за зиму почву, напитывают живительной энергией семена и корни растений, чтобы они, поднявшись над землёй, предстали во всей красе!.. И только после этого ослабнет ослепительный глаз солнца.

...До позднего вечера, словно прикованный, просидел Емеля на лавочке. И теперь, когда повеяло свежестью, с удовольствием окунал в прохладу лицо, нагоревшее за день; сами закрылись глаза.

Вскоре столетние брёвна стены и широкая лавка, ещё недавно накалённые, остыли. Стало холодно.

Емеля уже несколько раз порывался уйти, но не мог. Иногда на пару минут он открывал глаза, смотрел на бани, похожие сверху на домики маленьких, бедно живущих человечков. Смотрел на реку, красивую при закате, который раскинулся над лесом в полнеба и напоминал перевёрнутую около одной из бань Емелину лодку. На реке шумело: похоже, спокойная на вид вода натыкалась где-то на препятствие и, огибая его, в голос недовольничала... Емеля, слушая этот шум, оставляя в памяти увиденное, закрывал глаза. Слушал призывные утиные крики, пересвист утиных крыльев. «Возвращаются», – думал; слушал ветер, ударяющий в холм, в стену дома, пересчитывающий пальцами мамы путанные Емелины волосы; слышал, как на огороде этот ветер до гудения раскручивает винт искусно сделанного самолёта-флюгера... У Серёги гуляли. И иногда из открытых окон его дома слышалась старинная, давно не звучавшая в этих местах песня.

Пела только женщина, голос её, деревенский, родной и даже слова выводящий по-деревенски, вырывающийся на волю вместе с выдыхаемым воздухом, растекался по надречью, полнил собой всё кругом, заставлял Емелю прислониться к стене дома, влиться в неё. Емеля замирал, забывался и уже не представлял себя отдельно от голоса: как... в далёком детстве, ощутив лёгкость, поднимался высоко в небо и куда-то летел... Не замечал Емеля, что из глаз его бегут редкие слёзы, которые на щеках и бороде старается подсушить обнявшийся с песней ветер.

...Когда таяли в воздухе последние слова песни, Емеля приходил в себя, чувствуя, что в тело его возвращается сила, прогоняющая неприятный откуда-то взявшийся озноб.

Часто женщина брала паузу, и в это время слышались пьяные голоса мужчин, а Емеля радостно думал, что вскоре один за другим начнут приезжать в деревню отпускники и пенсионеры, зимующие в городе. Сначала их надо будет переправлять на лодке. Потом, когда вешняя вода спадёт и река вернётся в русло, перетянут мужики с берега на берег тот длинный плот, что привязан сейчас около бань и едва виден из-за них. Как только появится плавучий мостик, приезжать станут чаще, и к лету деревня вовсе олюдит, заперестукивается молоточками и топорами, заперекликается весёлыми голосами земляков, наполнится звуками неровно выводимой у кого-нибудь на встречах песни...

* * *

Ночь Емеля почти не спал – куда-то, покалывая, торопилось сердце. Устав от сна, встал рано утром, выглянул в окно. На улице туман.

– Вот и угадывай погоду! А закат вчера красён был! – вырвалось у Емели.

Он, не одеваясь, выбежал на крыльцо, – довольно поёжился от бодрящего холодка и... – чуть не задохнулся! Жадно захватал ртом воздух, сердце сжалось. Показалось ему – горит... совсем близко, и дымом уже заполонило всё вокруг, сдавило в белых клубастых лапах родной дом.

...Через несколько секунд Емеля опаматовал, расчувствовав, что вдыхает туман.

– Вот ведь!..

– Вот ведь!.. Словно облако. Не будь часов – время не угадать. – Он помолчал немного и крикнул: – О-го-го! – Прислушался, как вязнет в молочном тумане голос. Огляделся кругом – не видно соседних домов; сбежал с крыльца, сделал несколько шагов. Ступням, не привычным ещё, не нахоженным в этом году без обуви, зябко. Под ними... прошлогодняя трава, среди которой, кажется, только пробивающаяся, молодая, – мокрые от росы. Неосознанно стуча зубами, Емеля присел на корточки – над самой землёй тумана нет и видно далеко. Почему-то обрадовался этому, заспешил в дом.

2

За ночь намело сантиметров тридцать снега. И это в середине мая, когда земля и деревья, встречая лето, оделись уже в зелёные наряды.

Емеля вышел на крыльцо, потоптался по снегу.

– Май, май, – коня заставай, сам на печь ...полезай, – сказал он, привыкший за зиму разговаривать сам с собой. – ...Нет коня. – И уже возвращаясь в дом, почти подумал: – ...на снегу чисто шкурать будет.

На сегодняшнее утро Емеля с сестрой Анной, единственной кто в деревне ещё держал корову, договорились резать годовалого бычка. Они продержали его всю зиму, так как племянник их добыл лося и нужды в мясе не было. Теперь же Анна решила не пускать бычка в лето, а забить и сдать в город найденному дочерью скупщику.

Емеля собрался и вышел на улицу. На востоке, над самым лесом, тёмно-красной полосой растеклась заря. Кругом сумрачно. Внизу под деревней что-то дружелюбно шепчет река. Текущая между заснеженными берегами, напоминает она сейчас набухшую на огромном виске вену. Около белокрыших, с чернеющими срубами бань через реку перекинут мостик. Он, среди тёмной воды, в своём белом одеянии, трогает девственной красотой.

Емеля, глубоко проваливаясь в глухо скрипящий под ногами, даже сквозь сапоги ощущимо холодный снег, шёл медленно, поглядывал на реку, тяжело думал о предстоящем...

– Здорово, Емеля!

... Не разобрав откуда крик, Емеля вздрогнул, от испуга чуть не упал.

– Здорово, Емеля! – повторила Нюра, худая торопливая бабка. – Чего пугаешься?

– Здорово, здорово!.. – Он нагнулся, чтобы вынуть почерпнутый в голенище сапога снег.

Вынимая, хмуро смотрел на свои только что оставленные следы. Почему-то показались они ему похожи на медвежьи...

... Вспомнив, как его пробрал испуг, Емеля улыбнулся. Специально повысив голос, так как Нюра была глуховатой, крикнул:

– Зима!

– Да, намело, намело...

– У нас лето короткое! Всё!

– Да, да... А у меня картошка вылезать надумала. Хватило дури в апреле в землю сунуть...

– Я говорю, лето у нас короткое!

– За грехи, наверно, мои. Ум на старости отшибло.

– Ничего! Не замёрзнет, отродится.

– Отшибло, отшибло... – твердила Нюра.

Емеля внимательно посмотрел на неё...

– ... пойду. – Зашагал дальше.

Сестра давно ждала брата. Русская печь топилась, из её рта дышало жаром.

Емеля сел напротив печки. Он любил смотреть на огонь и чувствовать, как прикосновения тепла погружают в дремоту. ... В устье печи поставлена ведёрная кастрюля. На боку её нарисованы яблоки с виноградом... «Аня воду греет, – подумал Емеля. – Правильно».

Анна, полная, черноволосая женщина, в отличие от брата, не могла сидеть на месте. Как только засиживалась она, вспоминался ей бычок, с самого рождения вспоминался; катилась по щеке слеза. ... Анна тут же скороговоркой повторяла про себя: «На то и кормим, на то и кормим, на то и кормим...»

... Все последние дни тяготили Анну мысли о предстоящем, не давали спать ночами. Мысли эти, по нерву, который обязательно соединяет хорошую хозяйку со всей её скотиной, передавались корове и телёнку. Анна знала, видела и чувствовала это, даже стала... панически бояться входить в хлев... Поэтому, как только подступали к Анне воспоминания, вскакивала она с места, ненужно ходила по избе в поисках дела. ... Причём из-за своей полноты ходила она с трудом, комично помогая себе взмахами полусогнутых рук, хорошо зная цену каждого шага.

– А он хоть придёт, не обманет? – тихо спросила Анна.

– Не обманет. Не должен...

Ждали Серёгу, того самого, к которому в половодье Емеля перевозил гостей.

Из отпускников Серёга в этом году приехал раньше всех, ещё по снегу, – ему надо было справиться поминки по матери, которая умерла прошлой весной как раз в эту пору, немного не дожив до тепла.

У заботной покойницы в кладовке, среди прочего, имелся в запасе сахарный песок. Зная это, Серёга сразу по приезде поставил бидон браги, а уж как наладился, – целыми днями гнал самогон и пьянствовал.

... Серёга забарабанил в окно неожиданно и громко. В дом зайти отказался наотрез, стоял на улице, курил, перетаптывался на месте, давя ногами глубокий снег... Отошедший в стору, в чёрном тёплом полушубке, без шапки, с рано облысевшей головой, с раскрасневшимся лицом, Серёга был виден в одно из окон во весь рост, отчего окно это походило на большой портрет, перечёркнутый крестовиной рамы.

В доме засобирались.

Пока Емеля, потерявший своё недавнее умиротворение, нервно пытался застегнуть куртку, Анна шепнула брату:

- ...А чего он без шапки?
- Так что, что без шапки?!
- К корове, к коровушке ведь пойдёт.
- Ну?!
- Стельная она. Нельзя.

– Дура! – Он выхватил из рук сестры приготовленную верёвку и выскочил на улицу.

Серёга глянул на Емелю и улыбнулся, всё так же улыбаясь, поднял приставленный к стене дома, принесённый с собой, колун и поиграл им.

Они медленно пошли к двери, ведущей во двор. Уже совсем рассвело, а из-за леса поднялся красноватый глаз солнца, слегка порозовивший снег.

- Второй нож забыл, – спохватился Емеля.
- Пошли. Свой имею.

Когда вошли во двор и остановились перед хлевом, Емеля, делая на верёвке петлю, сказал решительно:

– Ударю всё же я. Там тоже надо уметь. Другой череп проломит, убьёт на раз и кровь не выбежит. Надо по месту, оглушить...

– ...Ладно.

Емеля открыл дверь в хлев, пахнуло навозом, теплом коровы. Корова, до этого спокойно лежавшая и размеренно жующая жвачку, испуганно вскочила. Отступила от двери сколько могла, натянув цепь.

Бычок был отделён от коровы дощатой перегородкой. Он входил в силу и тоже посажен на цепь.

В отличие от коровы телёнок доверчиво подошёл к переодетому в Аннину куртку Емеле; съев предложенный хлеб, благодарно лизнул руку.

– Ну и рога. Бояться надо, – успел сказать Серёга, когда Емеля затягивал на них верёвочную петлю.

...И как только затянул, – бычок... недовольно вздёрнул головой, отступил назад, почувствовав натянутую Серёгой верёвку, запрыгал из стороны в сторону, не жалея себя, забился головой и боками в стенку хлева и перегородку, из которой задней ногой вышиб доску. ... Перепуганная корова шарахалась от людей, пытаясь развернуться, рвала из стены цепь; подняв хвост, видимо, от переживаний, хлопко клала на пол жидкие лепёшки.

Емеля, поймав момент, с трудом расстегнул на шее бычка цепь. Испуганно... придушенно выдавил:

– Тащим... Давай тащим скорее...

...Бычок сначала сопротивлялся, падал на колени передних ног, крутил головой, стараясь скинуть верёвку. Но как только переступил порог двора на улицу, присмирел, пошёл послушно. Его, видимо, ошарашило. Он никогда не видел снега и, выйдя из полутёмного двора, ослеп от поразительного белого света.

Сразу за домом начинался часто гороженный штакетником, защищающий гряды от кур забор. Первый пролёт его для удобства был снят на зиму. Вот к одному из трёх свободных столбов и привязали бычка.

Телёнок, стоящий к западу мордой, уже наворотил от страха, запачкав задние ноги; пахло свежим ...тёплым навозом. Емеля, чтоб не слепило солнце, подошёл немного боком и не сильно ударил...

Телёнок упал на колени передних ног – точно так же, как падал только что, когда сопротивлялся. Завалившись на бок, откинул голову назад. Серёга воткнул в шею нож почти по самую рукоять, ловко орудуя, перехватил горло.

Бычок пролежал пару секунд неподвижно, потом неожиданно дёрнулся и рывком поднялся на ноги. Замер. Так и стоял... осоловело глядя куда-то мимо людей. Из глубокой резаной раны на шее телёнка тонкой струйкой декоративного фонтана, быстро окрасив снег, лилась кровь. Снег таял от горячего, зернисто набухал.

– У него здоровья на троих! – почти крикнул Серёга.

Емеля молчал.

– Слушай, Емеля?! Это кровь! Я читал, кровь полезна. Тёплая когда. стакан! стакан давай! – Он помедлил немного, ища взглядом по сторонам. ...Ничего не найдя, махнул рукой на застывшего столбом Емелю: – Да ну! – Подступил к телёнку и подставил под льющуюся кровь пригоршню, набрал. Выпил одну... Вторую... После третьей его начало рвать... Согнувшись в приступе, он успел отойти от телёнка несколько шагов.

... Из соседского дома, хлопнув дверью на тугой пружине, вышла моложавая женщина с полным, перегнетающим её на одну сторону ведром.

– Какой ужас, какой ужас, – заторопилась она, увидев страшную картину.

Женщина не пошла к помойке, выплеснула содержимое ведра на снег тут же.

– Страсть какая! Страсть какая! – повторяла она, не в состоянии сдержать в себе слов; вернулась в дом, снова хлопнув дверью.

...Емеля стоял в оцепенении, словно это из его горла, уже намочив ворот рубашки, текла ... липкая кровь. Почему-то вспоминалась ему в эти секунды всегда весёлая с внуком бабушка Мария, которая пролежала парализованной пять лет почти без движения.

Очнулся Емеля, когда Серёга размашисто подошёл к бычку и обеими руками толкнул его в бок.

– Падай давай! Всё у тебя там хорошо сделано.

Телёнок упал, конвульсивно дёрнул задней ногой несколько раз и замер.

Пока Серёга оттирал снегом запачканные в крови руки и лицо, Емеля снял с рогов бычка петлю, отвязал верёвку и собрал по привычке, как вожжи. ...Вдруг с силой пнул по столбику.

– Вот! Тебя ещё не было – поставили! Смолина не гниёт.

– Чего?

– С сероточки. Видишь как изукрашен!

И действительно, столбик, комлевой отвалок сосны, с четырёх сторон был изрезан «ёлочкой вниз» настолько сильно, что своей формой напоминал толстый брус или бетонную сваю. Надрезы на столбике, зарубцевавшиеся, залитые смолой, затёртые, походили теперь на большие стрелки.

– Но это только со старых сероточек долго стоят, – продолжал Емеля. – А с новых, где с кислотой гнали, – гниёт. У них в нутрях всё кислотой сожжено. ...Пойду, что ли, куртку на фуфайку обменяю?

Серёга, ничего не ответив, поднял воротник полушубка, закурил, сунул руки в карманы, чтобы нагрелись. Емеля посмотрел на него, мельком глянул на жёлто окрашенные навозом отпечатки копыт, начинающиеся от двора, и пошёл в дом. Надо было принести полотенце и ведро с горячей водой. В ведре этом мужики будут ополаскивать ножи и руки.

* * *

Уже ошкурили и выпустили кишки, а сбой был отнесён Анне на жаркое, когда к Емеле с Серёгой подошёл худощавый, больной на вид старик. Подошёл он не тропкой, а через огороды, видимо, срезая путь. Старик был чисто выбрит, на носу его сидели очки с толстыми зеленоватыми линзами, очень похожими на донышки гранёных стаканов. На голове у старика

богатая меховая шапка, на ноги обуты громоздкие валенки с галошами, на худых плечах висит почти такая же, как при забое была на Емеле, только не излизанная скотиной, женская куртка.

– Труд на пользу! – неожиданным для него баском пробубнил старик.

– Спасибо! Как не на пользу! – ответил Серёга. Он дошкурал последнюю, отрезанную по коленному суставу, ногу и положил её на снег. Не споласкивая, вытер руки об измызганное белое полотенце, висящее на столбике. – Ну всё – теперь только разрубать. Обкурим это дело! Бери! – протянул одну сигарету старику.

– Благодарим! – оживился тот, снял рукавицы; прикуриваясь от зажженной Серёгой спички, жадно затянулся несколько раз и выпустил дым.

– Что, Иван Иванович, всё не помер? – спросил Емеля.

– Не помер. Пока земля держит. Так ведь оно... врач сказал несколько месяцев, – ответил тот, растирая лицо свободной от сигареты ладонью.

Не старый ещё, почти годовка Емеле, подростком уехал из деревни, никогда не появлялся на родине и только недавно вернулся, больной.

...Пахло ростепелью. Солнце вошло в силу, грело; осевший снег натяжелел; с крыши дома наперебой капало. Немного в стороне от мужиков жадно, шумно рвали внутренности, вываливая наружу их содержимое, две аккуратные, как с картинки, серые лайки и Емелин чёрный пёс. На телевизионной антенне, высоко поднятой над домом на тонком длинном столбемачте, не спокойно, с перебранкой, ждали своей очереди воробны.

...Туша телёнка лежала на расстеленной шкуре. Все четыре ноги-обрубка, оставленные только до колен, были оттянуты в разные стороны – так удобнее выпускать кишки – и за вбитые в землю колья привязаны верёвкой. Кое-где, от телячьей крови, снег протаял до земли, оголив молодую траву.

Иван Иванович докурил, достал из кармана маленькую, с несколькими сломанными зубьями гребёнку, стянул с головы шапку и, расчёсывая жидкие волосы, прервал молчание:

– А у меня отец с войны раненый пришёл, нога сохла. Так он всегда от любой скотины кровь пил, тёплую. Как кто где режет, придёт с ковшиком – ему нацедят. Говорил... только это да вино помогает.

– ...Ладно, Иван Иванович, дело доделаем – тебя и печёнкой угостим, и выпить нальём.

* * *

После того как городская машина с фургоном увезла мясо, Серёга и Емеля, носившие его, ещё долго стояли на деревенском холме, обнимая родные места взглядом.

– Солнце глаза слепит. – Емеля смахнул ладонью смягчающие боль слёзы.

Серёга ничего не ответил.

Опускающееся к земле солнце, отражаясь от снега, действительно слепило. Снег неумолимо таял, напитывая землю влагой, на крышах его уже не было. В поле, то тут, то там, островки зелёной травы. Вода в реке поднялась, недовольно била в перекинутый с берега на берег бон – его, похоже, придётся убрать.

– Смотри! – показал Емеля на ту сторону реки, на покрытое последним снегом поле, по которому только что ушла машина с мясом, часто буксовавшая, оставившая после себя тёмный земляной след. – Дорога поле на две части поделила, будто книга раскрытая. Я уже не в первый раз примечаю.

– Книга, – помедлив, ответил Серёга. – Это только зимой книга, а летом где она? Вот мы летом приезжаем?

...Помолчав, посмотрев на реку, которая тоже казалась ему переплётом книги, Емеля спросил осторожно:

– А чего у тебя за гости в самый разлив были?

– Поэт... Поэт один с супругой. Я им с машиной помог. Вот жена у него, солистка народного хора. В городе. Поёт!

– Да-а. Как мама моя покойница.

Серёга, набрав на земле наводневшего снега, слепил катыш, отёр им руки и, размахнувшись, добросил до реки. Катыш разбился о воду, но поплыл.

– Пошли давай ко мне, бычка помянем. Аннина-то бутылка, наверно, не взяла?

3

В стороне от реки, с краю деревни, чуть выше её, на небольшом взгорюшке, стоит неумолимо разрушающаяся деревянная церковь. Она, уставшая, успевшая верно послужить и начальной школой, и медпунктом, и магазином, настолько обветшала, что даже дети, чувствуя опасность, не забираются больше внутрь.

Загляни в здание через окно: на стенах с осыпающейся на глазах штукатуркой нет живого места – исцарапаны, измараны углём. На дверях церкви амбарный ни к чему висящий замок. На полупровалившейся крыше – маленькое, обречённое на смерть, деревце. ...Вокруг Храма Божьего тремя ровными рядами, словно часовые, посажены высоко поднявшиеся берёзы – школьный сад. На многочисленных пальцах берёз молодые, недавно прихваченные холодом зелёные листочки. Они многоголосо перешёптываются, дрожат на ветру, которому, видимо, нравится гулять в кронах деревьев. Из смешенного перешёпота листочков только и можно – подумав перед этим – разобрать: «Отродились..! Как красиво, красиво, красиво, хорошо, тепло, хорошо, хорошо...»

Расстояние от церкви до деревни, полукругом подступающей к взгорюшке, небольшое. Склон взгорюшка пологий, степенный. По всему взгорюшке растёт шиповник, среди которого кое-где увидишь деревцо или одинокие кустики малины. Между церковью и деревней, в неровном кругу шиповника, рядом с двумя молодыми ивами, вырыт колодец. Миниатюрный сруб его с дощатой крышкой ещё не застарел. Не так давно мужики собрались и заменили изгнившую колоду из цельного дерева, служившую, наверное, с самой установки церкви. Рядом с колодчиком положена на землю широкая доска – земля здесь мягкая, влажная, потому как близко к поверхности выбрался родник. На воткнутом впритир к срубам колу висит черпуха, которая сделана из пластмассовой канистры с обрезанным верхом, грубо прибитой к недлинной ручке.

От колодчика к деревне идёт хорошо найденная тропинка. Шиповник вдоль неё, чтобы не кололся, аккуратно обстрижен садовыми ножницами. Сбежав с взгорюшка, тропинка расходится на две.

Деревня хотя и небольшая, но заняла собой всю голову приречного холма. Правый склон его, к переезду, – пологий, а левый – к поросшему ивняком ручейку – такой же крутой, как к реке. От церкви деревня похожа на гигантского человека, который лежит на боку и от холода или боли скорчился вокруг взгорюшка, утопающего в шиповнике. Дома в деревне всё старые, новостроек не видно... Только один, маленький, стоящий рядом с Емелиным перед самым спуском к реке, обшит вагонкой и выкрашен, как говорит сам хозяин, в «клубничный цвет».

Сегодня в деревне не видно людей. Только расселись на антеннах воробьи, порхают на нескольких домах куры, да в загородке лениво жуёт траву стельная Аннина корова... Нет даже ребят, которые, пользуясь свободой каникул, беспечно гоняют по деревне дни напролёт. ...Не видно их и перед склоном к ручейку – на любимом для игр месте, – где сгрудились картофельные ямы и лежит на боку огромная железная бочка, привезённая несколько лет назад на вечную яму, да так и не вкопанная. Бочка эта привлекательная штука – есть в дне у неё большой круглый вход – залезай свободно. Сколько всего можно устроить внутри!.. Наладились играть... – конечно, в «войнушку»: одни от ручья наступают, другие в «бункере» обороняются. Слышно:

«Агонь!», «Уррр-а-а-а!», ещё какие-то беспорядочные крики. Переругивается детскими пронзительными голосами деревянное и пластмассовое оружие. Летят в сторону бункера самодельные гранаты, камни, стучаются о железо – высиди-ка в такие минуты внутри колокола!

Ну-ка?! Прислушаемся!..

Нет, не раздаются по округе гулкие гневножалостливые ответы на удары по железным бокам бочки – никого нет.

Заранее было объявлено в деревне, чтоб всем, кто может, явиться в назначенное время на чистку кладбища от мусора и загромождающего всё кустарника. Никто не отказался.

Люди ушли недавно, только-только миновали телятник на той стороне реки. С деревенского холма эта странная вытянутая процессия на фоне молодой травы напоминает разноцветный дирижабль, плывущий по зелёному небу, а может, рыбу в океане или даже... огромную бомбу, которую катят по дорожным колеям-рельсам. Хорошо шагать среди людей в самом сердце процессии, в котором собралась вся деревенская ребятня, шагать и слушать глухой неровный шум, поднимающийся вместе с пылью от переступа нескольких десятков (обутых так разно!) ног; слушать, ворочая по сторонам головой, гудящее пчелиным роем людское многоголосие... Различать среди этого гомона ничего не значащие в отдельности слова и урывки фраз, вязнушие в тесноте толпы...

У бредущих кучно, отчего часто задевающих, касающихся друг друга, но не желающих разойтись реже, людей в руках носилки, топоры, веники, на плечах грабли, вилы, иногда лопаты.

Впереди Серёга. Он идёт не глядя под ноги, отчего часто спотыкается, но всё же не падает. Серёгина рубаха, одетая на голое, загорелое уже, тело, распахнута, полы её трепещет ветер. На плече у Серёги высоко поднятая, чтобы не задеть никого сзади, широкая лопата для чистки снега.

... Чуть отстав от процессии, идут вдвоём Емеля и Иван Иванович, который шаркает по земле валенками с галошами, в женской куртке с большущими разного цвета пуговицами, без шапки. Седые волосы на его голове – пух одуванчика, сквозь который просвечивает кожа.

Иван Иванович исхудал, сейчас потный, то и дело снимает очки, протирает линзы изжёлтым от курева большим пальцем и, чуть пошатываясь при ходьбе, словно дорога для него теперь палуба корабля, всё рассказывает своим баском:

– ... Я там сколько рыбы ловил.

– Сколько?

– За сезон по пятьдесят тонн бывало. Самолёт прилетит, заберёт... – Он помолчал, вспоминая. – А тут с перехода посмотрел – ни мейвины не видно. Мы пацанами рубахами ловили. А тут – ни мейвины. ... У меня там жена. Там у всех лошади. А тут приехал – у одного... В колхозе, говорят, есть. У меня два сына, оболтусы. Старший спрашивает: «Бать, чего оболтусами зовёшь?» – «Так оболтусы!» – говорю. Там дорог нету, лес. Туда можно только по реке или зимой, или на самолёте. Спроста не попадёшь. По пятьдесят тонн рыбы...

И не верилось, что этот исхудалый больной старик, которого качает от слабости, который, шаркая непослушными ногами, едва успеваешь за остальными, ловил по пятьдесят тонн рыбы.

* * *

На кладбище остановились у калитки в ограду – привычно ждали начальство из села.

Солнце уже набрало силы, но в тени сосен бора, среди которого располагалось кладбище, прохлада. В чистом утреннем воздухе явственно различимы запах краски и запах сосновой смолы. Невдалеке на деревьях расселись воробьи. Сидят, переругиваются. Они знают, что люди быстро уходят, оставляя на могилах съестное.

Наконец пришёл автобус, спугнувший недовольно закричавшую стаю. Против ожидания, из автобуса вышли всего лишь человек десять, не больше, главы сельской администрации среди них не было. У приехавших в руках грабли, топоры, вилы. ...Пройдя метров пять, они остановились небольшой кучкой на солнцегреве. Остановились и чего-то ждали.

Воробы между тем, успокоившись, снова расселись по соснам...

– ...Здравствуйте! – ...наконец нашлась Анна.

И все по её примеру принялись здороваться, наделав шуму больше, чем на школьной перемене.

– Здорово! – протянул Емеле руку один из двух приехавших мужчин. – Что, всё ещё Юрик на меня зуб точит?

– Точит, Саша, точит.

Саша достал из почти нового спортивного костюма пачку сигарет и, жадно затягиваясь, закурил. Казалось, что как раз из-за этой привычки у него немного впалые щёки. ...Лоб высокий, в крупных неподвижно застывших морщинах; волосы густые, темно-русые.

– Сейчас уехал? – спросил ещё, сощурился глаза.

Емеля кивнул.

...Второй приехавший разговаривал о чём-то с Анной. Он моложе, похож внешне на первого, даже одет так же. Часто смущённо улыбается. И когда улыбается, тонкие брови (особенно у висков) ощутимо приподнимаются, кожа на лбу морщится лёгкими волнами, начерченными детской рукой, небольшой нос, с тонкой переносицей, обостряется – сразу представляешь картину: нос и брови – чайка, которая летит над океаном в лучах утренней зари.

– Здорово! – подойдя к Емеле, он потряс и долго не отпускал протянутую тем руку. – А Наш в город уехал, сказал, чтоб всё с кладбища в кучи за дорогой складывали – после на машине увезут или сожгут, если дождь. – Он виновато улыбнулся. – ...Наши на кладбище потом приедут, сами...

Кладбище довольно большое, расположено на краю соснового бора, вдоль старинной грунтовой дороги. Обнесено кладбище оградой; со стороны бора выкопана вокруг него застаивающаяся канавка, а со стороны дороги пропахана противопожарная полоса.

Основная центральная калитка за забор одна. Сначала кладбище идёт ровным местом, но потом поднимается на два, почти одинаковой формы, улыбающиеся при свете солнца взгорюшка, которые напоминают придавленные сверху купола и занимают собой всю заднюю часть кладбища.

Сосны на взгорюшках – стройные корабельные мачты. С каждого взгорюшка видно за деревьями поворот поблёскивающей реки, а если вглядеться, то различишь и деревушку на крутолобом холме. Хорошо, наверно, тому, кого похоронят здесь!

Если на взгорюшках привольно, дышать легко, то внизу, где начинается кладбище, густо затянуло могилы можжевельником и молодой берёзкой, попадают колючие ёлочки; на листочках, среди хвои, в частых сетях-паутинках почти весь день блестят, не могут просохнуть капельки росы. В начале кладбища хоронили давно, а подхоранивают редко. Пропадают, валяются на землю кресты, сглаживаются морщины могильных холмиков. Наверно, родственники тех, кто нашёл здесь вечный покой, уехали куда-то далеко или их тоже нет в живых.

Люди, оставив на свежевспаханной противопожарной полосе следы множества ног, вошли в центральную калитку, растеклись по кладбищу, словно муравьи по муравейнику. А работать, как умеют эти многочисленные неутомимые труженики, завсегда душевно. Хорошо делается в груди, легко, и нет, кажется, на предстоящем долгом пути преград, которых было бы не одолеть.

...Уже к обеду управились. Весь мусор: прелую листву, хвою, шишки, сухие ветви, молодые, не на месте выросшие деревца, пустые банки из-под краски, сваленные в кучи около забора вылинялые венки и цветы, остатки сгнивших крестов, – сносили за противопожарную полосу, за дорогу, на небольшой песчаный пустырь.

Расходиться не спешили. Стояли на дороге неровным строем, многие оперевшись о ручки граблей и вил. Потные, усталые, в запылённой одежде, стояли и смотрели на свою работу.

...Теперь кресты, памятники и могилки хорошо видно. Легко можно разглядеть искусственные (живых ещё нет) цветы в вазочках или литровых банках. По кладбищу прогуливается, проверяя, всё ли сделано, ветерок. Сосны одобрительно шумят кронами. А внизу, на вычищенной граблями земле, чуть дрожат их тени. Кладбище... дышит, легко-легко, освободившись от лишнего. В глубине бора умиротворяюще считает кукушка: ку-ку, ку-ку...

Вдруг кто-то тяжело надрывно закричал, заревел в истерике. Это на могиле матери зашёлся Серёга. Совсем по-бабьи, неожиданно тонким голосом, с причитаниями. Так, почти каждые похороны, выла одна зажившаяся старуха... Стало не по себе. Люди заторопились домой. Завёлся и быстро уехал автобус. ...Иван Иванович остался. Он постоял немного в нерешительности, потом, так как плохо видел, то и дело натываясь на оградки, пошёл на голос Серёги.

4

Всё последнее время снятся Алёше кошмары. Вскакивает он каждую ночь на постели в полубреду, непонимающе шарит глазами по комнате, в которую, сквозь зашторенное окно, глядит фонарь. ...Наконец, спустя минуту-две доходит до Алёши... что страшный шум, перехватывающий дыхание, – это всего лишь поступь и лязг товарного поезда, гремящего по расположенной вблизи дома железной дороге. Долго сидит Алёша на кровати, поджав под себя ноги, кутаясь с головой в одеяло. Роста небольшого, совсем как ребёнок. Сидит, смотрит куда-то расширенными от страха глазами. По телу – озноб. До слёз не хочется, страшно ложиться снова.

От прежнего Алёши остались только материны белые волосы, зачёсываемые назад, да голубые глаза, которыми наградил отец. Ненормальная бледность, исхудал, осунулся – и это в семнадцать лет! ...Воображает сам себя Алёша неким вытянувшимся бледным растением, сорняком, которые появляются внутри сараев, бань, в полуразвалившихся старых домах, живут там почти в полной темноте и, конечно, постоянно ищут солнца.

...Уже не в первый раз снится поезд: один и тот же... один и тот же!.. Будто Алёша оказался на железнодорожных путях... Ночь. И по правую и по левую руку от него по несколько полос рельс. Они блестят в свете фонарей и семафоров. Алёша стоит между двумя такими полосами в ожидании не видимого, но уже слышимого поезда. Отойти в сторону не может. Ноги подламываются, ноют, болью выворачивают голени и ступни. В глаза ползут мошка, комары, в уши ползут – облепили всё залитое потом лицо, оно зудит от насекомых, горит от укусов... А сил, чтобы поднять руку и стереть гнус, нет.

...Слепя фарами, приближается несоразмерно огромный поезд, слышно его дыхание, пахнущее тёплым шлаком, угрожающе быстро накатываются отполированные в долгой работе чугунные жернова колёс...

В поту каждый раз просыпается Алёша во время такого сна. Ошалело отстукивает сердце, колет, жмёт, бьётся в бок и грудную клетку, хочет вырваться, словно бабочка, ловко накрытая стаканом.

Алёша проснулся! Полежал немного, приходя в себя. Посмотрел на соседнюю кровать: друга Серёги, с которым они снимают комнату, нет. Полежав ещё, встал и босой вышел в коридор. Глянул на дверь хозяйской комнаты. Похоже, как он и думал, хозяйка тоже уехала. Алёша

прошёл на кухню, долго пил из-под крана, хватая струю ртом, но жажду не утолил. Побрызгал ощутимо холодной водой в лицо, на грудь, смочил волосы и загладил их назад.

«Почему сегодня не слышно поездов?» – только сейчас Алёша заметил, что на улице мёртвая тишина.

Он не стал завтракать, оделся, вышел на лестничную площадку, закрыл дверь на ключ и – придерживаясь за перила рукой – вниз по бетонным ступенькам:

ту ту...

ту ту...

ту ту...

...Как Алёша оказался в ванной комнате, он не помнил. Кафельный гулкий пол. Сама ванна задёрнута клеёнчатой полупрозрачной шторкой. Столик весь завален ванными принадлежностями.

«Как на большую семью. Зачем я здесь?»

Зеркало запотело, в нём ничего не видно... И душно, очень душно, словно кто моется не первый час крутым кипятком. Алёша резко отдернул шторку. Дохнуло холодом. Ванна пуста. Она блестит. Слепила! Алёша зажмурился, прикрыл глаза ладонью, отвернулся... – по стене тёмно-зелёная труба отопления, которая, поднимаясь от батареи, выгнута в несколько колен ползущей змеей. Алёша, тяжело поднимая голову, проследил взглядом вверх по трубе – и вспомнил, зачем он здесь! Сразу вспомнилось и то, что он каких-то полгода назад, придя домой, похвастал Серёге: «Я сегодня весился – сорок восемь кг». – «Весился! – крикнул тот. – Обще-то все взвешиваются. А вешаются – это...»

– ...Вставай... Вставай... – послышался едва угадываемый голос Серёги. – Что так заснул!

В сознании Алёши пошевелилось: «Значит кошмар. ...Кошмар».

...Почувствовал, что сильно трясут за плечи. Различил встряхиваемые в него слова:

– ...Вставай! ...Вставай! ...Вставай! Лёха, вставай! Алёша. Алёша!.. Вот! Вот! Вот! – ревел Серёга.

Алёша поднялся на кровати и, свесив ноги, сел. Глаз не открывал; сидел, не совладав ещё со своими мыслями. Голова болит, воздуха не хватает. С боку слышится радостная скороговорка Серёги.

Сон не хотел отпускать. Сон этот, какой-то тягучий, вязкий, словно... большая размягчённая карамелина или жвачка, которая облепила мозги, все внутренности, язык, голову, руки, ноги... И даже рот... трудно разомкнуть.

– Паутина... – выговорил Алёша. И после этого вымученного слова стал приходить в себя.

5

Алёшино решение об отъезде в деревню на далёкую родину, которая, по словам матери, представлялась Алёше чудесной страной, Серёга принял радостно. Помог собраться и проводил на вокзал.

Уже почти стемнело, вокруг светили уличные фонари, горели окна вокзала, соседних зданий и поезда, стоящего у перрона; по громкоговорителю приятным женским голосом предостерегали, что отправление через пять минут.

Билеты оказались только в общий вагон. Алёша едва успел пройти до свободного места, как поезд, трогаясь, дернулся с такой силой, что упала планочка, державшая шторку окна. ...За окном на перроне стоял Серёга, он, дурачась, по-военному приставил ладонь к голове. Алёша помахал ему и, опускаясь на сиденье, вспомнил, что, когда собрались и уже пошли на вокзал,

Серёга вернулся зачем-то в квартиру, а Алёша остался ждать его на межэтажной площадке. ... Увидел там батарею отопления... Сначала боязливо притронулся, а потом погладил. Услышал сверху шаги и, не оборачиваясь, спросил:

– Серёга, знаешь чего?

– Да? – Голос оказался незнакомым. Алёша обернулся – по ступенькам спускался сосед, местный участковый.

– Ты чего, парень, «гармошку» трогаешь? Летом не топят! – Он подошёл вплотную, всмотрелся в Алёшу и... поджав губы, больше ничего не сказал.

...Вслед за воспоминанием о соседе, вспомнилось Алёше, что болтал Серёга по дороге на вокзал.

– Ты не думай, это со всеми бывает. Нет ничего удивительного, что так происходит в наш сумасшедший с извращёнными понятиями век. У меня тоже было... Я тогда ещё в школе учился. На остановке стоял, автобус ждал. Людей набралось много. Одежда на всех тоненькая – весны дождалась. Зонтов почти ни у кого нету. Изо рта у всех парок...

...Моросил стылый весенний дождь. Люди, не хотевшие мокнуть, плотно набились под крышу маленькой остановки. Серёга уже не ждал автобус. Не замечая того, что куртка набухла от воды, а с мокрых волос сбегает за шиворот, он просто стоял лицом к проезжей части на самом краю возвышения остановки и покачивался на ногах в такт своим вдохам и выдохам. Ступни опирались на твёрдое только наполовину, поэтому покачиваться... удобно, и при каждом покачивании через подошвы кроссовок ощущалась грань бетонного бордюра.

...Машины проезжали по мокрому асфальту с шипением; некоторые, обдавая мелкими брызгами и запахом бензина. Вообразилось: «...качнуться сильнее – и под машину, и будут на асфальте не масляные радужные разводы, а кровавые». На память Серёге пришло, как однажды летом у бабки в деревне, в полуразвалившемся складе, среди ломаного шифера и битого прямо в ящиках стекла, нашли с ребятами бидон красной краски. Ночи светлые, июньские. Дотащили бидон до дороги и на асфальте напротив магазина пытались что-то писать. Но краска загустела, засохла, поэтому вывалили палкой несколько увесистых комков, а бидон бросили.

...За ночь и утро машины разъездили краску метров на двадцать...

Сейчас, на остановке, Серёге так ясно вспомнились эти тёмно-красные пятна, что даже показались на дороге. Стало нехорошо. «Фуу!...» – Закружилась голова! ...Закружилась сильно, до тошноты, и Серёга упал, но упал не на дорогу, а к людям, прятавшимся от дождя под крышей остановки...

...«Значит, Серёга чего-то знает?! Знает! Знает!» – соображал Алёша ...наконец опомнившись, ощутив себя в вагоне. – «Знает, знает, знает», – вторил ему разогнавшийся поезд. – «Значит, я во сне... значит, он чего-то слышал?!» – «Слышал, слышал, слышал», – отвечал поезд.

Алёша глянул в окно, за окном темно, едва различимы убегающие назад деревья. В вагоне сумрачно, длинные лампы на потолке горят слабо, словно находишься в подземном тоннеле.

Напротив купе на боковой полке спит молодой мужчина, подложивший себе под голову обе ладони; на лице его угадывается улыбка. Мужчина прикрыт курткой, один рукав которой сполз почти до пола и слегка покачивается в такт поезду.

Алёша долго наблюдал за этим рукавом. ...Потом, зажмурив глаза, потряс головой, нервно дрожа поднялся и, пугая дремлющих пассажиров, стал бессмысленно ходить по вагону взад и вперёд. Иногда его давно не отдохавший мозг, видимо, чтобы остаться здоровым, переставал работать, и Алёша находил себя то в тамбуре, то у двери проводника, то в одном из купе. Часто вспоминалась мать. ...В какой-то момент он стал замечать, что за тёмными окнами рядом с поездом кто-то – какой-то великан-урод! – бежит и следит за ним!..

«Не отстаёт». «Не отстаёт», – метался Алёша по вагону!..

Наконец, не в состоянии больше терпеть, он шатнулся к одному из окон и, почти касаясь холодного стекла, посмотрел в упор: ...догадался, вытерев ладонями прослезившиеся глаза, что великан – это его собственное искажённое отражение.

6

Наконец станция!

Поезд тормозил, медленно проезжая мимо склонивших головы фонарей освещения, поочередно ослепительно появляющихся в окне, у которого стоял Алёша, и вновь исчезающих, как неуловимые мысли.

На станции в вагон вошли трое: щупленький старик в отутюженном костюме; совсем маленькая ростом старушка с бледным, как бумага, лицом, в шляпе с широкими полями, в вязаной цветной кофте и тёмной юбке складками; и ещё высокая полная женщина в висащем на ней как сарафан платье и болоньевой куртке.

Старички (по всему выходило, что это супружеская чета) примостились ближе к окну, а женщина в сарафане рядом с ними. Она заняла собой почти полсиденья, потеснив соседей. Женщина тяжело дышала, то и дело вытирала носовым платком пот с лица и, похоже, не верила, что уже в вагоне.

...Старушка сидела посередине купейной полки, по-детски побалтывала ногами и беспрерывно что-то рассказывала, поворачиваясь и обращаясь со своим рассказом то к женщине, то к старику. Говорила старушка о больницах, о врачах, о лекарствах...

Алёша в диком порыве подошёл к троице, сел напротив и, облокотившись о столик, упёрся взглядом в старушку.

Разговор прервался... Но уже через пару минут старушка, которая не могла долго молчать, спросила Алёшу, склонив голову на бок, как это делают птицы:

– Молодой человек, вы с нами не перекусите?

Алёша почувствовал, что хочет есть... Кивнул:

– С утра только стакан чаю...

– Ой! Ой, ой. Ну вот и хорошо. Иван!

Старик поставил на стол термос и стал выкладывать приготовленное к чаю. Полная женщина тоже зашуршала своими пакетами.

* * *

Поезд всё так же отстукивал, оставляя позади пройденные километры, когда проснулся Алёша. Уже совсем рассвело. Под головой у Алёши сшитая из разноцветных лоскутков тряпичная сумка, вместо одеяла он заботно прикрыт вязаной кофтой и болоньевой курткой.

Троица сидит как и раньше. Старушка снова что-то беспрерывно рассказывает. Старичок улыбается супруге, когда она поворачивается к нему. Женщина, похоже, старушку не слушает, хотя... перестань та болтать, наверняка попросила бы продолжить.

Алёша, осторожно убрав куртку и кофту, сел. За окном туман, кажется, что его молочная свежесть ощущается и в вагоне. Поезд начал сбавлять ход – приближалась станция. За окном проплыли мимо человек пять косцов. Они были все в белом и шли в ряд друг за другом...

Старушка внимательно посмотрела на Алёшу, снова при этом, как и вчера, склонив голову на бок.

– Ну вот видите, молодой человек, хороший сон – и всю вашу слабость как рукой сняло.

Алёша в ответ улыбнулся, кивнул и молча подал женщинам их вещи. Ему почему-то в последнее время, как от плохого, так и от хорошего, хотелось плакать, и он, сдерживая слёзы,

отвернулся к окну. Задумался. Забылся. Поезд укачал его, позволив сознанию обмануться и представить себя в маминых тёплых руках или в детской кроватке-кочалке.

...Поэтому, когда застонала старушка, Алёша не сразу сообразил, что происходит. Старушка не стонала – кричала, только голос её, рождающийся глубоко внутри и преодолевающий много преград, вытекал из перекошённого рта на бледном сморщенном лице всего в один протяжный звук:

– Иииииииии...

Поезд уже почти остановился.

Все трое смотрели в окно, которое находилось напротив купе. Алёша вскочил, подбежал к окну и наискосок посмотрел!..

На платформе несколько узиков, люди в камуфлированной форме, с автоматами, с овчарками на поводках.

– Что это?

– Эков принимают, – спокойно ответила краснолицая женщина, сидящая на боковой полке у окна. Женщину знобило, отчего она с головой куталась в большой пуховый платок.

Старушка застонала с новой силой, по лицу её текли слёзы. Старичок, как мог, успокаивал жену. Но она пришла в себя, лишь когда тронувшийся вновь поезд набрал ход.

– Мы ведь к сыновьям едем, в заключение. Вот мы с Машей, и вот Алёна, попутчица. ... Получилось у нас вот так... Ночку ночуем, и обратно, – пояснил старик.

– Все они маленькие хорошие, молоком пахнут, – откликнулась на его слова краснолицая женщина, – а вырастут – вином и куревом.

После этого уже больше никто не прерывал молчание вплоть до следующей станции. Старушка совсем поникла, ослабла, руки её безвольно лежали на сиденье, плечи и голова опустились, словно до этого, как кукла, двигалась старушка с помощью нитей, теперь обрезанных.

Поезд, подходя к станции, начал сбавлять ход.

– Приехали, – выдохнул старичок.

«Приехали», – мысленно повторил Алёша.

Первой поднялась и пошла к выходу краснолицая женщина.

Алёша замешкался. Он не помнил, где оставил свою сумку, и минуты две искал её...

...В тамбуре Алёшу ждала проводница.

– Опаздываете, – сказала она улыгнувшись.

– Опаздываю.

Но прежде чем выйти, он оглядел станцию. ...Небольшой вокзал, небольшая, залитая солнцем площадь, которую пересекают тени тополей. То тут, то там ключья скатавшегося тополинного пуха, что ещё недавно кружил снегом. Люди, как и везде, спешат куда-то...

Алёша с улыбкой вспомнил, что его сумку, по словам молодого мужчины в лёгкой заношенной куртке, милиционеры-линейники чуть не приняли за бомбу. Не стал спускаться по лесенке, прыгнул на перрон с первой ступеньки, спугнув из-под ног небольшую стайку разлетевшихся в разные стороны голубей.

7

Уже совсем разутрило. Солнце, поднявшееся из-за тополей, ощутимо пригревает – а в тени ... прохлады. На станции пыльно, шумно... Алёша решительно пробрался через зазывающих таксисов к автовокзалу. Оказалось, что на автобус, нужный ему, уже идёт посадка.

Автобус снизу весь в пыли, по которой неприличные надписи. Люди, стоящие перед его открытой дверью большой овальной каплей, потихоньку втягиваются внутрь, каждый покупает билет...

...Неожиданно Алёшу сзади ладонью плашмя больно ударили по спине. Так, что прижгло и, наверно, ушиблось сердце.

– Здорово! Чего, опять вафлю ловишь?

Алёша оглянулся. Перед ним стоял раскрасневшийся, крепко, плотно сложенный парень в спортивном костюме. На лоб его свисала тёмная чёлка, а рот кривила ухмылка, постепенно пропавшая.

– ...Извините, обознался. ...У нас в деревне есть один, – он покрутил пальцем у виска и обогнул Алёшу. Обернувшись, ещё что-то говорил, явно виноватаясь, но Алёша его не слушал. От неожиданности удара у него звенело в ушах.

...В автобусе, дребезжащем на неровностях дороги, пыльно, душно, воняет бензином, запах которого, кажется... отдаётся болью в затылке.

«За что?» – думал Алёша. В глазах копилась слёзы. Алёша, стараясь не выпустить их, слегка запрокинул голову, с силой сжал веки ...сквозь одолевающие его мысли, разобрал сказанные над самым ухом слова: «Ты поплачь, поплачь, лучше станет».

Алёша обернулся на голос. В проходе стояла строгая на вид пожилая женщина. Она перехватила Алёшин взгляд и кивнула на маленькую девочку на соседнем сиденье, скуксившую от каких-то переживаний лицо. Длинные русые волосы девочки касались Алёшиной руки.

Алёша долго не мог оторвать взгляд от соседки. Клеймо, хотя и плотно прижатое к спинке сиденья, ныло. Наконец он улыбнулся малышке. ...Почувствовал, что левый его локоть касается ...холодившего сквозь рубаху, окна. Алёша повернулся к нему и сквозь стекло, давно, похоже, не мытое, стал встречать и провожать взглядом убегающее назад придорожное пространство.

Проезжали поля с небольшими перелесками. По полям, как богатыри, копны сена, кое-где трава ещё не скошена. В конце одной из деревень, около дорожного знака-таблички, переёркнутого красной полосой, стояли женщина и мужчина.

Женщина пожилая, маленького роста, но полная, одета по-походному: в широких брюках, заправленных в резиновые сапоги, в мужском пиджаке, в соломенной широкополой шляпе с вицей в руках. Женщина, видимо, пасёт коров, которые ходят недалеко. ...Мужчина, лет тридцати, высокий, худой, с длинными руками и большими ладонями, в шлёпанцах, в чистеньких, почти не запylённых, спортивках, вытянутых у колен, в распахнутом пиджаке на голое тело и без шапки. На небритом лице неопределённая гримаса, рот открыт, слабая грудь выпучена. Мужчина стоит перед женщиной, выставив вперёд правую ногу, опирающуюся на пятку. Руки его раскинуты в стороны, причём одна поднята выше плеча, а вторая опущена почти до бедра – словно до самого предела гармошку растянул...

Уже засыпая, Алёша вспомнил Серёгу, который с первого дня учёбы в техникуме ходил на музыкальный кружок и играл на баяне. В то время Серёга часто просиживал до полночи, перебирал в воздухе пальцами, словно по клавишам своего инструмента, и еле слышно пел...

* * *

Алёша едва не проспал своей остановки. Его разбудил водитель. Со сна не сразу разберёшь, где находишься. Алёша, кинув сумку на землю, растёр лицо руками. ...С одной стороны асфальта, по которому, как замок по молнии, убегал автобус, село Андреевский Погост, о чём говорит табличка, с другой – молодой лесок и поворот на грунтовую дорогу, ведущую в Алёшину деревню. Таблички с указанием названия деревни около поворота нет. Торчат только остатки двух взятых на излом, свороченных в сторону, столбиков. Один столбик сломан почти у самой земли, второй – повыше. Сам измятый знак валяется в канаве.

Алёша свернул на грунтовую разъезженную дорогу. В леске прохладнее. Чем дальше уходишь от асфальта, тем приятнее отдыхающему слуху. Шум редких машин всё слабее и невнятнее, он вязнет, не может пробраться в это царство. Кругом разговор, щебет невидимых птиц; перешёпот деревьев, кустов и трав, отправляющих свои послания друг другу... с помощью ветра. Даже дорога отвечает на каждый шаг – песчинки, придавленные модными кроссовками, негромко поют свою песню.

...Лучи солнца, преломившись в кронах деревьев, пройдя через сита, устроенные листьями, образуют такой необычный, сотканный, почти осязаемый, почти лежащий на лёгкой ткани на кожу лица и рук свет, что непривычному глазу приходится щуриться, разглядывая на земле и стволах деревьев необычайные, живые дрожащие картины.

Если бы не назойливые комары, ползущие в глаза и уши, старающиеся напиться крови, чтобы оставить своё потомство, разве бы ушёл Алёша отсюда. Лёг бы ничком, а может, навзничь, и долго спал, набираясь сил, вдыхая запахи земли.

...Камень Алёша заметил издали. Тот стоял у кромки леса, прямо перед полем, залитым светом. На голубой гладкой поверхности камня, с которой убежала гревшаяся на солнце ящерица, большими зелёными буквами было выведено:

прямо пойдёшь
будет дерев

Всего в нескольких сантиметрах от камня виднеются шляпки двух маслят, влажные, блестящие, одна с пятак, а вторая чуть поменьше. Если подумать, что это... глаза – получается, – один с прищуром. Рядом с маслятами капельки земляники. Её здесь уже кто-то собирал – есть пустые звёздочки чашелистиков. Алёша съел самые спелые ягоды, не тронув остальные. Ещё раз глянул на надпись и, улыбнувшись, перешагнул через длинную тень от камня, пересекающую дорогу.

8

За леском открывалось большое широкое поле. И всё оно в белой цветущей ромашке, словно со светлой водой озеро. Алёше захотелось!.. Он не удержался – откинул сумку в сторону, упал на землю и на коленках пополз вдоль по дороге, окуная лицо в ромашковые воды. Цветы щекотали своими лепесточками подбородок, щёки, губы, нос, лоб, полуприкрытые глаза. Алёша снова и снова окунал в ромашки голову, поворачивая её то одной щекой, то другой, втягивая ноздрями густой травяной дух.

– Что, приехал?! – услышал вдруг.

– ... Чего?

– Да я тут, ты обернись!

Алёша ловко поднялся и, отряхивая с джинсов пыль, осторожно посмотрел на человека, что испугал его.

Это был паренёк лет десяти. Довольно худой, в кедах, в тёмных спортивках, в однотонной зелёной футболке. На коротко стриженной голове не было шапки, левая щека расцарапана, ранки уже подсохли, начали затягиваться. Руки паренька лежали на руле небольшого исшарканного велосипеда без рамы.

– Ты к бабке Анне приехал? – спросил паренёк.

– Да.

– Так и знал. Пошли провожу. – Он сел на велосипед и со скрипом принялся медленно накручивать вокруг идущего Алёши круги.

– Меня Женька зовут, – представился деловито.

– Алёша.

– Ты в телеграмме не написал, когда приедешь. Забыл, что ли? Но ладно, бабка Анна сегодня утром у тебя дома уже топила, чтоб жилым пахло.

– Так тебе специально было поручено меня встречать?

– На-а-до больно, – протянул Женька, разогнал велосипед, проехал метров пятьдесят и резко, так что заднее колесо занесло, затормозил. Довольный, стал дожидаться Алёшу.

Деревню уже хорошо видно, хотя до неё ещё шагать и шагать. Она поставлена на холме, один склон которого довольно крутой, а другой – пологий. От реки к деревне поднимаются две расходящиеся в стороны, идущие наискосок тропинки. Домики издали аккуратные, совсем как на картинках или больших стенных календарях. Все дома бревенчатые, один из них, видимо, обшит вагонкой и выкрашен в розовый цвет. Сразу за деревней, на холмике-пирожке, церковь в кругу берёз. Издали неопытному человеку она кажется действующей. Прямо в поле, ещё перед рекой, стоит большое серое здание, напоминающее барак из фильмов про войну.

– Мне мама говорила, что, если смотреть как раз отсюда, с поля, её деревня на большой рыбе стоит, на ките. Правда, похоже? – спросил Алёша.

Женька торопливо глянул на деревню:

– Не-е, ка-кая рыба? Ты чё? – при этих словах он смешно вытянул худую шею и чуть приподнял голову...

Сделав кружок перед Алёшей, Женька повернул вдоль по дороге, набрал ход и, обернувшись, крикнул:

– Я тебя у реки подожду! – Понёсся под гору, поднимая из-под колёс дребезжащего велосипеда пыль.

* * *

У реки стояла, закрытая брезентом, легковая машина.

Женька, поджав под себя ноги, сидел на переходе через речку, велосипед его валялся тут же, рядом с Женькой стоял на коленках белобрысый малыш в коротких шортиках, оба они внимательно наблюдали за поплавком закинутой удочки.

Переход – плот шириной метра полтора, собранный из брёвен с настланными поверх их досками, перекинут через речку немного наискосок и, видимо, уже старый, сделанный давно, потому что, когда Алёша ступил на него, в щелях между досками с чавканьем появилась и тут же пропала вода.

Женька, заметив Алёшу, встал, поднял велосипед.

– Ершей вон ловит, – кивнул он головой в сторону малыша. – Пойдём.

Они едва успели пройти бани, струдившиеся у перехода, как из обшитого вагонкой дома выскочил полный, высокий мужчина в узеньких плавках.

– Эх! Мы утро встречаем с рассветом!

Он стал ходко спускаться вниз, нисколько не боясь продавить своим весом глиняные ступеньки.

– Мы утро встречаем с приветом!

На половине спуска мужчина остановился и повернулся назад. Крикнул женщине, укутанной в тёплый халат, которая вышла из того же дома:

– Солнышко! Спускайся!

Женщина в самом деле, нащупывая одну ступеньку за другой, стала спускаться.

А мужчина вежливо ответил на приветствие Женьки и Алёши, пробежал мимо бань, выскочил на мостик и с ходу плюхнулся в речку, погнав в стороны большие волны, наделав много брызг. Вынырнул и сразу крикнул:

– Ой и хорошо! Приятная водичка!

Забрррыкал. Стал выбивать из ушей попавшую туда воду.
– Пошли! – снова позвал Женька.

9

– Приехал! – обрадованно всплеснула руками Анна, как только Алёша вслед за Женькой вступил в избу. – Сейчас! Сейчас! Проходи к столу.

Алёша прикрыл тяжёлую дверь. Потолок и пол в избе из широких плах, крашены. Большая русская печка. Несколько шкафиков для посуды, несколько стульев, столик, вдоль стен лавки. Стены оклеены давнишними обоями. На божнице старинная икона... И ещё одно бросается в глаза: над столом приколоты на кнопки вырезанные из журналов портреты Пушкина и Есенина.

– А у нас суп из овдинцев.

– Из чего?

– Из... Из грибов солёных, из волнух. – Она поставила перед Алёшей глубокую миску, положила два ломтя аппетитно пахнущего чёрного хлеба и ложку. – Кушай! У нас груздей по тому году опять не было, вот волнухи. ...А тебе чего? Молока опять? – спросила Анна у Женьки. – Вот, молоко только пьёт. Да в нём, говорят, всё есть. – Налила полный бокал. – А вечером, Алёша, приходи ужинать, будут щи со своим мясом, специально для такого случая кусок берегла.

Суп пахучий. С картошкой, с луком, с лепестками долго лежавших под гнётом грибов, с ложкой сметаны. Вкусный!

– А... а что там за камень с надписью? – вспомнил, откусывая хлеб, Алёша.

– Это вон, Женька... На камне написали кой-чего нехорошее. А у меня краска осталась старая. «Женька! – говорю. – Иди хоть замажь». А он матюги так соскрёб, и вот написал, – засмеялась она.

От её доброго смеха невольно засмеялся и Алёша. ...Женька, с набитым ртом, мычал что-то, вытягивая, по привычке своей, шею и задирая голову, стучал по груди кулаком – это я!

* * *

– Теперь у нас горячая пора – сенокос, – рассказывала Анна, подводя Алёшу к его отцовскому дому. – Ой! Вон видишь! – показала рукой на появляющуюся на горизонте тёмную тучу. – Опять нехорошая туча идёт. А как дождь? – повернулась она к Алёше с таким страхом в глазах, словно решалась её судьба. – Не дай бог. Может, завтра поможешь нам?

– Конечно, помогу, – легко согласился Алёша.

– Ну вот и хорошо. А то людей не хватает. У всех свои дела. А сенокос. ...Вот и дом твой, раз у меня остановиться не хочешь. Я уже подтопила сегодня. Женька это так дорожку прокошил, – заторопилась она. – Ещё не умеет настояще. Видишь?! Видишь?! Мы б всё обкосили...

Алёша её не слушал, он смотрел на дом, который, как коренастый, согнувшийся под ношей мужик, был невысок, отчего казался широким. Густая трава вокруг дома дотягивается до низко установленных небольших окон. Верхний посеревший наличник крайнего окна оторвался, держится на одном, вбитом посередине гвозде. Поэтому один конец наличника приподнялся, а второй опустился – словно вздёрнутая над прищуренным глазом бровь – что, приехал?

Крыша пологая. По её потемневшему шиферу кое-где крапинки мха. Труба из красного кирпича полуразвалилась. Мелкие и крупные обломки её вытянулись полосой вплоть до широкого потока, в котором их набралось, наверно, немало.

Перед домом растёт небольшая черёмуха. Вдоль забора посажено несколько кустов цветущего ещё шиповника. Забор настолько стар, что не падает только благодаря кустам, придерживающим его своими веточками.

Дорожка к веранде в самом деле выкошена плохо, остатки срезанных стеблей стоят высоким неровным ершом, словно длинные копыта где-то вдали, у горизонта, идущего невидимого войска.

В доме, хотя и топлено, чувствуется тяжёлая на вздох нежилая стылость.

В избе всё так же просто, как и у Анны. Только потолок, до которого можно достать рукой, из светло-коричневых щелистых брёвен. Русская печь стоит на деревянном основании-подрубе, обшитом доской и выкрашенном в разные цвета. С одной стороны подруба, под устьем печи, дверцы какого-то шкафика.

На божнице икона. По стене вокруг неё и дальше в стороны много старых фотографий. Среди прочих портрет молодого мужчины в форме. Фотография овальная. Она висит почти вплотную к косяку одного из окон, отчего из-под тюлевой занавески этого окна на фотографию выползла муха. ... У мужчины поджаты губы – можно подумать... что из-за ползающей по его лицу мухи.

– А это отец? – спросил Алёша.

– Где?.. Нее. Это дед Алексей, прадед твой, умер уж давно. Он старостой в церкви был и звонарём. Вот и иконы все от него. Я сегодня её принесла, поставила, – показала она рукой в красный угол, – а ведь оставить было нельзя, украли бы.

– Ой! – вдруг искренне огорчилась Анна, – фотографии отца твоего у нас и нету. Мама твоя после смерти Георгия все задевала куда-то. Любаша, она ведь у мамы с папой последней была, избалованная. Как живёт-то? Ведь ни столечко о ней не знаем, ничего не напишет. Я уж как обрадовалась, когда ты телеграмму дал. Слава богу, объявился.

– ...Я её тоже почти год не видел, – покраснелся Алёша. – Я в другом городе живу, отдельно. Учусь.

– Аха... Ты, Алёша, как: отдохнуть будешь или на кладбище пойдёшь?

Алёша помолчал немного:

– На кладбище.

– Я тогда тебе объясню всё. Я уж сама не пойду, далеко мне... Мы на кладбище в этом году почистили всё. Хорошо стало!

– Женя бы проводил, да нету уж его. Ещё дорогой улизнул. Побегун. Годы такие, ничего, придёт и его время заботное... – вздохнула. – Пойдёшь сейчас по той дороге, по которой пришёл. Только в лес с поля не заходи, а там по кромке поля (как раз перед камнем) дорожка будет. Ты иди по этой дорожке, она тоже в лес свернёт. Можно и через асфальт, кругом. Но ты иди по этой, ближе.

Ну, кладбище там увидишь. Там бор начнётся и большая дорога от асфальта придёт.

Вот здесь ограда, – начала Анна для наглядности рисовать указательным пальцем у Алёши на животе. – Здесь большая калитка. И тропинка, широкая, натопанная. Ты иди по ней, иди, иди... – Она повела пальцем от живота вверх. – Там в стороны много маленьких дорожек отходит. Только ты по ним не сворачивай. А как дойдёшь до холма... чуть-чуть направо – и синяя большая ограда, синие кресты. У нас всё кресты... Не памятники, ничего там, а кресты. Тут все наши...

Вот оградка. – В её воображении кладбище сменилось отдельно взятыми фамильными могилами. Она нарисовала большой прямоугольник, захватив всю грудь Алёши. – Вот здесь калитка на завёртыше. Здесь, как зайдёшь, дедушка Иван, тебе прадед. Это не который в церкви работал. Он ослеп рано. Не знай от чего, а слепой был. Но сам ещё до реки спускался и через мостик переходил. Считал в уме как на счётах. А сколько сказок знал!.. Может, сам придумывал. Здесь жена его, Мария Ивановна. Она рано умерла, я её не помню. Но как дедушку

приведёшь на могилку, он: «Мария Ивановна, Мария Ивановна...» За Марией Ивановной раньше столик с лавочкой был, где поминать, но места не было, и мы его убрали...

...Долго... долго стоял Алёша перед могилой отца. Небольшой холмик, на котором спелая земляника. Крест над холмиком высокий, из толстого бруса. На фотографии совсем молодой, как Алёша, парень. «Тётка говорила, другой не было». – «Учителем, значит, был, приезжий, а мать ничего не рассказывала; старше её был намного, любила его».

Наконец, когда занемели ноги, сошёл с места. Притронулся к кресту:

– Пойду я.

Снова окинул взглядом все могилы, всю, довольно большую, оградку, которая при необходимости, как и должно быть, расширялась и уже забралась немного на холм.

– Пойду.

На перекрёстке узкой лесной дороги и грунтовки в задумчивости бредущий Алёша... вздрогнул от неожиданного крика:

– Емеля! Емелюшка!..

Алёша остановился и повернулся на крик.

По грунтовке, идущей от асфальта, спешил светловолосый молодой человек. Невысокий. Худой. Казалось, что пьяная улыбка на лице его была вызвана собственной, сбивающейся то в одну, то в другую сторону, походкой. ...На ногах модные светлые кроссовки, модные новенькие, но уже замаранные грязью и пылью, джинсы, которые, видимо, великоваты, так как заметно собраны ремнём на животе. Футболка с крупной нерусской надписью, тоже модная...

– Земелюшка!.. – почти проревел молодой человек и с ходу обнял Алёшу. Тот, хоть и отстранился назад, всё-таки попал в распахнутые объятия.

– Земелюшка! Как хорошо, что я встретил тебя здесь! – между тем до слёз радовался человек. – Земляк ты мой хороший! – Неожиданно, словно, что-то вспомнив, он сразу обеими руками схватил Алёшину, потряс её и представился: – Юрий!.. Юрий!.. – повторил зачем-то...

– ...Алёша.

– С кладбища?! – всё не отпускал Алёшиной руки. – А я на кладбище. Батка у меня там, к батке... – Вдруг, всмотревшись в Алёшу, снова спохватился, испуганно отдернул руки. – Извини... Извини меня... Извини ты меня... пожалуйста, землячок. – И, отмахиваясь руками, как... от докучливых комаров, наговаривая что-то себе под нос, в самом деле пошёл к кладбищу. Он пересёк уже плотно стоптанную, противопожарную полосу, размашисто открыл калитку и вошёл в ограду.

* * *

В деревню Алёша вернулся поздно вечером. С удовольствием поужинал у Анны. В родном доме, с помощью Женьки, перетащил из горенки в избу старинную железную кровать с точёными набалдашничками на спинках. Поставили кровать почти посередке комнаты, так «чтобы лежать и на фотографии смотреть».

Говорят, что на новом месте засыпают плохо. Алёша, хотя перед его закрытыми глазами сплошной чередой картинок проплывало увиденное за день, а слегка опьянённое сознание, под счёт взбудораженного сердца, качалось в волнах впечатлений, заснул почти сразу.

...Алёша вскочил на кровати!.. – кто-то стучался, колотились с такой силой, что дребезжали, боясь выпасть и разбиться, стёкла в рамах. Испуганный, в сонном ещё оцепенении,

Алёша подошёл к ближайшему от красного угла окну, отдернул шторку... – и сразу отступил, прогнулся назад! В упор на него глядел бородатый мужик в бейсболке. В руках, кажется, на замахе, мужик держал топор, повёрнутый к Алёше обухом.

...Заметно было, что мужик хотя и вздрогнул от неожиданности, но быстро справился с испугом. Махнул Алёше свободной рукой и громко, стараясь преодолеть голосом двойные рамы, крикнул:

– Иди сюда!!!

Когда Алёша, одевшись, вышел на улицу, мужик, всё под тем же окном, сидел на суковатой серой чурке. Трава перед домом выкошена. Благодаря этому, черёмуха и кусты шиповника, обдуваемые ветром, красуются на воле, радуясь свежим воздушным струям, огибающим их стволики-ноги. Забор, освобождённый от травы, с косо стоящими, изломанными кое-где штакетинами, ещё потерял в виде, выказал все свои изъяны. Дом же, наоборот, приосанился, стал казаться выше. Перед домом растут семейкой три цветка, явно не полевых, с крупными бутонами-колокольчиками. Рядом с цветами валяется чёрный пиджак, лежит коса. Сам мужик, в белой рубахе на выпуск, в камуфлированных брюках и кирзовых сапогах, сидит и отмахивается от мошкеры бейсболкой. Заметив, что Алёша осмотрелся и перевёл взгляд на него, мужик, словно всё ещё через окно, крикнул:

– Ну спать!.. А я дай, думаю, наличник на место прилажу, чтоб тебе дом глазом не подмигивал! – Он улыбнулся; накидывая на голову бейсболку, встал с чурки и протянул руку: – Емеля!

Алёша представился, пожал протянутую руку. Ладонь шершавая, с короткими, толстыми пальцами, совсем с такими же, как вырезают у современных деревянных скульптур, поставленных где-нибудь в парке отдыха.

– Готов?! – спросил Емеля.

– К чему?

– Надо отвечать: готов всегда! Сенокос у нас, парень. Уж девять часов по солнышку, а ты всё подушку давишь. Этак можно и молодость проспять. Готов?

– Готов. А куда? – Алёша растерянно-вопросительно вытянул одну руку в сторону.

– погоди... – остановил его Емеля. – Роса только в одиннадцатом часу сойдёт, ещё у Ани поесть успеешь. – Показал на чурку: – Давай присядем.

Чурка с торца сильно избита топором, широкая, на вид неподъёмная. Хотя и не очень удобно они уместились на ней вдвоём.

Минуты две, сидя вплотную друг к другу, молчали. Наконец Емеля не выдержал:

– Дом, видишь, на несколько венцов в землю ушёл, давит на него атмосфера. Он раньше видным был. Хорошо садится всем телом, не на один угол, а то перекошило бы. Крышу между двором и домом мы перекрыли, кой-где подлатали. Ну, забор видишь каков... – Он помолчал несколько секунд. – ...А черёмуху, шиповник – всё отец твой сажал. Шиповник специальный, только для цветов, по книжке выписывал. Он так и называется – роза. И вон, колокола эти, – он кивнул в сторону трёх цветков, которые слегка пошевеливал ветер, – тоже выписывал и сам сажал. Теперь уж три осталось. Вымерзают... Он этих цветов... столько всяких пороздал, что на десять оранжерей будет. Всё хотел, чтоб в деревне красота жила. Так и говорил: «Хочу, чтоб в моей деревне красота жила». В моей деревне! А сам сирота, детдомовец, родных никого здесь нету. В Погосте учителем работал, каждый день на велике ездил, зимой – на лыжах. Как ты родился, опять скажет: «Мои дети с первого класса начнут в школу на лыжах ходить, и станут чемпионами мира». ...А цветы его и сейчас у некоторых растут. У меня и то шепеснячок каждый год зацветает.

Емеля замолчал. Потом запел какую-то песню, но совсем тихо – слов не разобрать. Вдруг крикнул, незаметно смахнув с щеки слезу:

– Что молчишь-то!?

– ... вот, – стукнул кулаком по чурке, на которой сидели, – она тоже твоего отца помнит. Я её из дровяника приволок, там всё и простояла. Я эту сосну ещё деревом знавал, в детстве даже забираться случалось. Засохла потом. С межи она, суковатая была, с самого комля суковатая, мы её твоему отцу зимой на тракторе притащили. Зима была лютая. А с дровами у него худо, всё цветочки растил. Нехватка топлива, получается. Мы и притащили несколько сушинок. И эту тоже. Распилили... А уж колол он сам. ... Прихожу раз, а он с этой вот суковатистой занимается. «Отступишь! – говорю. – Непосильная». – «Как, – говорит, – отступиться? Надо колоть». Я и присоветовал: «Ты её в дело пусти. Тесать на чём будешь? Опять же седулька при отдыхе». Он, видишь, и оставил. Ох и сколько всего на этом верстаке переделано. А сколько мяса порубано!.. – Он вздохнул: – Еловые лапки Георгию на похороны тоже на ней разрубали. – Встал. Видно было, что хочет ещё что-то сказать, но не решается. Глядя на нескошенную траву: за домом, у веранды, у дровяника, только добавил: – А это всё мы завтра-послезавтра облагородим. На том и порешим! Ты собрался?

11

– Сенокос, сенокос, – поломал я сотню кос, накопил я сена воз, – на грабельцах унёс! – пел иной раз Емеля, уже метавший длинными вилами. Кричал Алёше, поставленному вить копну: – Ух, и люблю, когда сеном пахнет, – ись не надо. Ты смотри, Лёшка, на тебя вся надежда! А кому ещё робить? Нюрка – глухая. Анюта – хромая – черепаший ход. Женька – мал, я – ленив. Вся надежда на тебя, Алексей Георгиевич!

Алёша, чтоб не упасть с копны, постоянно придерживался за стожар руками, неумело цеплял небольшими деревянными граблями поданное Емелей сено, притаптывал его.

Тяжело. Тяжело ходить по кругу то в одну, то в другую сторону под сливающийся со звоном в ушах однообразный шорок шуршащего сена, которое глубоко проседает под ногами. Жарко. Солнце палит, на копне негде спрятаться в тень. Граблевеще под рукой горячее. В волосы, в уши, в глаза, под одежду лезет, набивается колкая сенная труха. Всё на потном теле чешется, зудит... И только иной раз... дунет, повеет благодатный, неизвестно откуда-то взявшийся ветерок, заберётся под льнущую к телу рубаху... – оживит!

Алёша остановился. Свободной от граблей рукой стянув кепку, отёр ей потное, нагоревшее на солнце лицо. Проморгал несколько раз веками, чтоб вместе со слезой вышли сеннинки, попавшие в глаза. ... Перед глазами плывёт, звуки слышатся приглушённо, как... сквозь наушники плеера; в висках колотит. Догадался... что теряет сознание. Облизал губы:

– ...долго мне ещё около шеста ходить?

– Около шеста девки голые крутятся, а ты вокруг стожара сено укладываешь.

– Потерпи, Алёшенька, потерпи. Теперь тебе до самого конца надо. Ничего, сейчас вершить начнёшь.

– Вершить? – испугался Алёша.

– А это, Алёшенька, сужай, сужай помаленьку, – объясняла Анна, – всё ближе, ближе к стожару ходи. Делай как яйцо.

– Сейчас и так сузит, стожара мало осталось, страшно будет... – добавил Женька.

– Эх-хе-хе. – Емеля воткнул в землю вилы. – Перекур! Копну доделаем – и на обед.

... Вместе с этими словами Алёша упал в мягкое сено, облегчённо разогнул ноги. Посмотрел вниз. (Неприятно давило на затылок, голова кружилась.) ... Оставшееся сено убрано и стаскано к копне. Все сенокосники стоят вместе и смотрят на Алёшу. Бородатый, сильно отчего-то щурающий глаза Емеля, в правой руке которого длинные воткнутые в землю вилы; щупленький, небольшого роста, уже опирающийся на руль своего велосипеда Женька; Анна, скинувшая платок на плечи, с растрёпанными слегка волосами, с руками, лежащими на груди так, что

ладони прижаты одна к другой; Нюра, высокая, худая, в сарафане, в белом платочке ... губы её явно что-то шепчут...

Алёша поднял глаза на стожар. Берёзовый... Они устанавливали его, втыкали в землю вместе с Емелей на «ииниии – раз!». Стожара, правда, осталось немного. На конце его тоненькая неотрубленная веточка с единственным сохранившимся, как маленький флаг, листиком. Алёша улыбнулся этому листику, поднялся на ноги. Постоял какое-то время, придерживаясь за стожар, как за посох... Захотелось растереть лицо. Прижал к нему обе ладони. ... Горячие, с набухшими мозолями... впитали они запах молодой берёзки.

– Ну что, покурил пять минут? Подаю!

Алёша кивнул.

Когда закончили вторую копну, отдохнули у Анны в доме и вышли на улицу, уже совсем за вечерело.

Разыгравшийся после обеда ветер, который мешал Емеле домётывать, срывая с вил сено, совсем стих, улёгся на землю и замер. В небе, ближе к востоку, нагромождение недавно миновавших деревню туч – словно там, куда идут они, затор. А на западе чисто.

– Закат-то сегодня какой!

– Пыхает...

– Будто горит за домами!

– Чего-то будет.

– Надо просить, чтоб не было. Пойду. – Нюра перекрестилась, резко повернулась и, выйдя в калитку, пошла по дороге к своему дому. Ноги её от усталости подворачивались, но она старалась шагать прямо.

За деревней поднимался, нависал над селением ярко-красный пылающий закат. Его холодный свет отражался в реке, в стёклах рам, на стенах домов, построек, на заборах, на деревьях, и даже воздух ... казался каким-то розовым. ... А на востоке, среди бело-синих клубящихся туч, проявилось круто поднявшееся высоко в небо полудужье радуги.

Женька выкатил свой велосипед за калитку. Крикнул вдогонку уходящей старухе:

– Баб Нюр! А может, это жар-птица?!

* * *

Проснулся Алёша рано утром, открыл глаза – ... с неожиданной радостью увидел сложенный из кругляка жёлто-коричневый щелистый потолок. С него на толстом проводе свисает лампочка. Она, словно последняя капля сбегавшей с потолка воды, нависла на патроне и вот сейчас упадёт и разобьётся мелко. ... Громко отстукивают старые часы, которые починил Емеля. На стене, среди фотографий, горит живая свеча. Это солнечный свет. Он пробирается в одно из окон через узкую щель между шторкой и боковым косяком. ... А на улице, сразу за домом, растёт черёмушка. Восходящее солнце глядит сквозь неё... Потому-то, когда на ветру дрожат листья черёмушки, дрожит и свет солнца, проникающий в дом через окно, – свеча на стене переливается солнечным воском – горит.

Алёша вспомнил вчерашний день, вспомнил, как Емеля, когда всё закончили, сказал: «Вот, теперь нам можно смеяться и громко разговаривать!», вспомнил похвалу Женьки: «Молодец! Как яиичко стоптал»; чувствуя, что от вчерашней работы ноют мышцы, сел на кровати. Натянув спортивки, вышел в коридор, который устроен между срубом самого дома и срубом двора. Дом сел больше двора, отчего пол в коридоре порядочно перекосяило, и человеку, плохо держащему равновесие, приходится идти по стенке. Пол этот напоминал Алёше палубу попавшего в шторм или даже тонущего судна.

Алёша по скрипучей узкой лестнице спустился с коридора во двор. Причём каждая ступенька скрипела по-своему, и Алёша, прежде чем ступить на следующую... задерживал ногу, ожидая...

Постепенно глаза привыкли к сумраку.

Во дворе пыльно, грязно. И даже в воздухе пыль, может быть, поднятая Алёшей. Он громко чихнул и сам испугался своего чиха. Дышать тяжело, поэтому особенно приятно чувствовать запах подвявшей, вчера скошенной травы, который пробирается с улицы вместе со свежестью утра и пением какой-то птицы.

Посередине двора деревянное корыто, несколько бочек и ушатов, большие, видимо для лошади, сани. Алёша сел на них ссутулившись. Потеряв счёт времени, долго сидел так... Вдруг почувствовал, что на него кто-то смотрит, кто-то ощутимо толкает в спину. Алёша обернулся... – и замер замороженный. До этого он не обращал внимания на эти узенькие дорожки света, в которых, как роящаяся мошкара, кружатся пылинки...

Свет шёл сквозь большую, немного скошенную дверь, прикрытую не плотно. Внизу, в щель между дверью и косяком, пробрались во двор несколько крапивин. Они стоят, чуть наклонившись и оперевшись о порог листьями, удивлённо глядят в темноту. Удивлённо... Да, в самом деле, кажутся удивлёнными, удивительными, в этом... млечном свете, неудержимо втекающем через щёлки, через щели... Верилось уже, что сказочная крапива пробралась неведомо откуда.

Алёша посмотрел на полоску света, которая всё ещё дотрагивалась до него. Улыбнувшись, поднялся и пошёл к двери. С трудом вынул из петлицы большой, похоже, кованный в кузнице, крюк... – сильным толчком, со скрипом, распахнул дверь наружу...

На улице, в лёгком мареве, оставшемся от недавнего тумана, по пояс в траве, покрытой обильной, отливающей белым росой, стоял Емеля. В широком дождевом плаще, с накинутым на голову капюшоном, Алёша не сразу узнал его. В руках Емеля держал свёрток и небольшую кастрюлю.

– Доброго здоровьица! – громко сказал он.

– ...Доброго здоровьица... Ты откуда здесь?

– Да чую, во дворе шевелишься, подошёл поглядеть, чего будет.

– Я, кажется, тихо ходил, неслышно...

– Да я, знать, хорошо чую. Пошли давай!

Как только Алёша ступил за порог, над его головой, почти из-под самой крыши, в маленькое квадратное окошко-бойницу шириной всего в бревно стрелой выпорхнула ласточка, опустилась к самой земле, сделала круг и вернулась обратно.

– Получается, у ей там гнездо, на повети, – заулыбался Емеля, задрал голову так, что с неё слетел капюшон. – Ну пошли, пошли! Анюта творага послала и хлебушка, только из печи.

– Рано она встаёт.

– Анюта?.. Анюта рано. Всё поспеть надо. Она как цветок с восходом солнца встаёт. Солнце ещё не умылось, ещё только-только выглядывает, а у Анюты голова от подушки сама собой приподниматься начинает, к окну тянется, какая погода поглядеть. Ты помидоры видел, нет?.. Да какое! – махнул он рукой. – Помидоры, пока на подоконнике в горшочках, в баночках стоят, головы свои к окну клонят, к свету тянутся. Тогда эти баночки надо поворачивать другой стороной, чтоб рассада кривой не вышла. Вот и она как цветок... Испекла уже... Расстраивается, как ты после вчерашнего. Впервой ведь этак на сенокосе. Да всю ночьку думу-думала, как ты ураган пережил-перемог.

– Ураган?! – Алёша, сделавший в густую мокрую траву только несколько ...осторожных шагов, снова остановился, так и не дойдя до Емели; почувствовал, что спортивные уже напитались студёной, обжигающей ноги росой. Но возвращаться обратно во двор не хотелось.

– А как? А ты не видал?.. Спал, значит? ...Что творилось! Светопреставление! Ветер стонотный. Ошалелый. С присвистом. Будто кто его гонит. Стёкла в рамах дрожат, ревят жалостно, выпасть ладят. Птица бежит, кулик по голосу, бежит и во все стороны кричит надрывно – испугалась. Темень кругом, настояще света не видно. Гром без передыху разрывается, и молния... и всё кажется... что у самого дома... Потом гроза умилилась, дальше пошла, а у нас дождь ядрёный, шум спокойный, ровный, я под него и задремал. И вот туман от дождя и роса такая сильная.

– А ветры – это уж всем известно – оттого, что лес вырубает. Да и этот друг-товарищ, я уж верно знаю, не одну просеку проломил. Так пойдём, пойдём, чего опять встали, косить надо.

Алёша почувствовал, что замёрз, обхватил себя руками и с радостью побежал за Емелей.

– Так она хлеб сама печёт?

– А как же, конечно, сама, она в магазине не берёт, только муку. Да ты разве не ел?

– Я не думал, что сама.

– Сама, сама. Деревенская баба всё сама может.

Часть вторая

1

Алёша проснулся, но глаз открывать не хотелось.

С самой смерти Ивана Ивановича живёт Алёша словно в бреду, в полусне. Будто это он умер и лежит сейчас на мягких стружках в свежеспавнутом деревом гробу, который они делали вместе с Емелей. ...Емеля тогда, махнув рукой на измерения, пару раз ложился в гроб сам, устраивался поудобнее:

– В аккурат. Он меня сантиметров на десять дольше. В аккурат...

«Было ли это со мной? Было ли?» – спрашивал Алёша и, сам не замечая как, погружался в болезненные отрывчатые воспоминания.

...Конец деревенской улицы засажен черёмухами, тенистый. Разошедшийся, иногда поднимающий пыль ветер треплет, покачивает деревья, отчего их тени на земле, отделённые одна от другой ярко-светлыми промежутками, тоже пошевеливает.

Дрожа всем телом и ничего не в состоянии поделаться с собой, Алёша идёт по дороге. Спешит неровным шагом к Емеле и Юрию, которых увидел ещё издали. Емеля, присев на корточки, как обычно что-то рассказывает, размахивая руками; Юрий стоит рядом склонив голову и рисует палочкой на дороге – слушает.

Алёша подошёл к мужикам, присел на корточки. На его приход почти не обратили внимания. Внутри у Алёши... гудит, отдавая в голову, он долго не решается, стараясь сдержать дрожь, зачем-то трогает ладонью тёплый песок на дороге, подкидывает его вверх так, чтоб подхватил ветер, и наконец говорит:

– Иван Иванович умер.

– Ты чего это сказал?! На днях только видел! Говорил, после операции всё лучше и лучше...

– Умер. Я проведать пошёл. По соседский. Почему, думаю, давно не заходит. То каждый день по несколько раз... Пошёл проведать, а он лежит на кровати... холодный...

Могилу копали на следующий день.

Солнечное утро. Поют птицы. Воздух свеж. На кладбищенском бору, среди крестов и оградок, игра теней. Чувствуется запах потревоженного перегной.

С далеко раздающимся скрежетом и лязгом вонзают мужики в землю лопаты. Жёлто-серый песок вперемешку с камнями откидывают в сторону.

Пролёты набранной из штaketника оградки сняты со столбов и составлены к высокой сосне. Оградка новая, ещё не крашенная, её, по заказу Ивана Ивановича, делали совсем недавно. Обнесена оградкой могила матери, умершей несколько лет назад; предусмотрительно, по его же просьбе, оставлено место и для сына.

В могильщиках Алёша, Емеля и Юрий. Отпыхиваются при работе, изредка сдержанно переговариваются.

– Перекур! – командует Емеля и садится на землю свесив ноги в могилу. – Давай помянем мужика. – Дотягивается до тряпичной сумки с бутылкой водки и закуской. – Давай помянем, а? ...Сегодня копаем мы, завтра нам...

Алёша и Юрий послушно садятся рядом с Емелей, тоже, как и он, свесив ноги.

Могила ещё не глубокая, не больше полметра, с боков её торчат перерубленные топором сосновые корни.

- А глаза у Ивана были голубые, как у тебя, Лёшка, – зачем-то вспоминает Емеля.
- Он ко мне часто приходил, соседи. Всё жаловался, что дом разваливается...

...Сделав могилу к сроку, положив поперёк её жердины, на которые будут ставить гроб, приготовив верёвки, расселись по земле, ждали, когда привезут покойника...

Задувает тёплый полуденный ветерок, погружающий в дремоту, опускающий отяжелевшие веки. Над кладбищем, залитым солнцем, не умолкает голос (срывающийся, иногда переходящий в конце фразы на фальцет) – это голос подвыпившего Емели:

– ...Слава богу... Слава богу! Не выкопали ничего! Повезло. – Он помолчал, надеясь, что кто-нибудь поддержит разговор, но не дождался. Повернулся к Алёше:

– Всё, парень, перекопано! Живого места нет. Часто на гроб натыкаются. Лопата этак глухо стукнется... За могилами догляда не было, их уж не определишь. Прощения попросишь и подхоронишь кости где-нибудь в углу могилы... Лапти. Лапти, Лёшка, сколько раз выкапывали! Береста она не гниёт! Раньше на бересте писали!.. – Он помрачнел лицом. – Что говорить?! Недавно в Погосте яму картофельную копали, пять скелетов... нашли. Один на другом, видать, хоронили в тяжёлое время, может, зимой в войну или в голод, чтоб вновь мерзлоту не долбить, я на то думаю. Последний уж вовсе наверху лежал. Ребёнок, наверно, девочка – при ней висюлька была, бусик. Зачем строились на старом кладбище. – Емеля отмахнулся рукой. – Потом всех в одном гробу похоронили, где раньше церковь стояла. Там уж никто не потронет. ...Похоронили и крест поставили высокий. – Он помолчал, жуя губами. – ...Из родственников никто не приедет. Только наши будут. Иван, старший сын, может, и приехал бы. Адреса не знаем. Ничего, сами похороним, приберём, на земле не оставим. Как бабушка моя говорила: «Что о том печалиться, на земле добрые люди не оставят». Ой и до чего хорошая бабушка была! – Емеля заулыбался, засветился радостью. – ...Сейчас, наверно, лошадка идёт потихоньку, тележка подрагивает. Иван лежит на телеге и в небо глядит... как в детстве...

– Глаза же закрыты?

Перед крутым склоном к ручейку, среди рубленных в чашу, сложенных на скорую руку погребков, похожих на убогие маленькие домики без окон, копают яму. С осыпавшимися неровными краями свежего оврага напоминает яма огромную воронку. Рядом с ямой желтеют груды песка; разбросаны сгнившие, безобразные на вид, неприятно пахнущие брёвна (останки выкинутого из земли сруба); лежит рядами разобранный погребок; высится, как часть неразорванного снаряда, бочка.

В яме Емеля с Юрием и Алёшей в разнобой захватывают лопатами осыпавшийся песок, с натугой, с сдавленным криком-выдохом, вырывающимся из груди, выкидывают его наверх. Погода стоит жаркая, и даже вечером в яме, наполненной поднявшейся от работы пылью, духота. Трудно дышать. Тяжко! Глазам больно от пота. На лицо норовят сесть, ползут под рубашку назойливые мухи, слепни. «Кусают? – спросит Емеля, глядя, как Алёша отмахивается от них, и сам же ответит: – Значит, живой, раз кусают». Иной раз песок не долетает до края ямы, осыпается назад, попадает за шиворот. Бывает, целая стена, высохнув на солнце, влекомая собственной тяжестью, скатится лавиной к ногам, прибавив работы.

– Так мы докопаемся, что вся деревня осыплется!

– Работай!.. Копай, а не шуткуй, – злится Емеля, борода его в песке, бейсболка в песке, лицо в пыли. Он внимательно смотрит на Алёшу: – Шевели лопатой! Не стесняйся.

А тот, взглянув на запылённого Емелю и представив свой вид, захлебывается какой-то неестественной истеричной радостью, но всё-таки сдерживает её в себе:

– А я шевелю...

В деревне раскричались вороны, надрывается матюгами магнитофон. Юрий, как и всегда, молчит. Он раздет до пояса, тело его сухое, но жилистое.

– Всё, ребята, хватит! Пошли на реку грязь смывать!

...По косо поставленной лестнице вылезли из ямы. На воле дышать легче. Не законченная ещё яма похожа на огромную колбу песочных часов. В воображении представляешь, что глубоко в земле зарыта вторая колба и, когда тонкой струйкой пересыплется весь песок, часы перевернутся.

...Около ямы стояла соседка Алёши, пожилая полная женщина с лицом, налитым густой красной краской, словно напилась хозяйка его пьяная, а может, так и было.

– Яму копаете? – спросила женщина красивым сильным голосом, благодаря которому была она, наверно, по молодости на хорошем счету в свадьбы и праздники.

– Копаем, – сказал Емеля.

– Глубокая...

– Глубокая.

– Цистерну будете закапывать?

Ей никто не ответил. Женщина помолчала, наблюдая за тем, как собираются мужики.

– А у нас на родине все ямы делают из бетона! Крепко! – потрясла она поднятой вверх рукой. – На века!

– А где это, у вас на родине? – спросил Алёша.

– А?

– Где это, у вас на родине?!

– А? – не поняла женщина. Она не ожидала, что её о чём-то спросят, и смотрела испуганно.

– Пошли, Алёша, – позвал Юрий, – её родина Советский Союз.

На реке благодать. Вода ласкает уставших мужиков, как мама малышей своих. Течение тихое, почти незаметное. Река кое-где в лопушничке. Берега, обнимающие реку, разные: деревенский – пологий, с травой истоптанной почти до земли, по нему удобно сходить в воду; противоположный – глинистым обрывчиком метра полтора высотой, заменяющим нырляку. Весь он, особенно сверху, изрыт пещерками-гнездами ласточек-береговушек, которые в беспокойстве выскакивают из своих норок, кружат над самыми людьми, решают: опасны ли они. Со стороны обрывистого берега на поверхности реки тень, а там, где нет её, – отражение высокого неба. От купающихся во все стороны расходятся волны, набегают друг на друга, водная гладь, преломившись, украшается живой мозаикой, по которой играют солнечные блики – это река радуется гостям своим.

* * *

Как только заутренело, к яме стали подходить люди. Одни приходили, другие уходили, будто соблюдали какую-то негласную очередь. Почти каждый из них сначала осторожно подступал к краю, заглядывал внутрь и здоровался с работающими там мужиками; потом хвалил крепость и долговечность будущей ямы, иной даже, словно проверяя, правда ли крепкая, ударял кулаком или ногой по гулкому железу.

Алёша работал сегодня наверху: то вытягивал ведром на верёвке песок, то срывал его от края. Тяжёлый каждодневный труд забирал у него последние силы, но всё-таки Алёша с интересом наблюдал за подходившими к яме. Юрий и Емеля, как ни в чём не бывало, захватывали лопатами сырой песок и выкидывали на самый верх, сухой же – насыпали в ведро. Казалось, работают они быстрее, чем вчера. Они боялись, что растревоженная любопытными яма, подсохнув на солнце, осыплется.

Вскоре пришёл и заказчик ямы, высокий полный мужчина. Он приезжал в деревню наездами, мало разговаривал с людьми, а больше всё напевал какие-то песенки, одни и те же. Жил он в своём покрашенном в розовый цвет домике как в крепости и редко выходил из него.

На плече его висел старый школьный портфель, который он придерживал рукой. ... Мужики вылезли наверх и присели на песок, Юрий сразу закурил. Заказчик по-хозяйски налил работникам по стопке. День разыгрывался солнечный.

У ямы скопились несколько человек, которые догадались, что скоро будут опускать, и поэтому не уходили. Они сгрудились нерешительной кучкой, сдержанно переговаривались. Тут же и все деревенские ребята, недавно ещё шумевшие, то и дело кричавшие в нутро бочки... Теперь и они притихли.

– Ну что, с богом, – наконец решился Емеля.

За покрытую ржавчиной бочку взялись все кто был. Сначала она не давалась, но подкопали спереди, раскатали на «иии – раз!», – и пошла, скрепя песком, давя его своими боками, словно это каток асфальтоукладчиков. Удачно накатилась на край, повернулась вниз дном и грохнулась в яму. Сразу, ещё тяжело дыша от работы, в несколько голосов громко заговорили, удивляясь точному расчёту Емели. Ребята вскрикивали в восторге своими тонкими голосами, похожими на птички. Все обсуждали последний грохот бочки, которая не уместилась в яме полностью. Железные плечи её поднимались над уровнем земли сантиметров на десять. Установили вороток, стали закапывать. Первые лопаты песка, кинутые на бочку, шлёпались с глухим вздохом железа. С каждой секундой вздохи эти становились всё тише и тише... Часа через два всё было кончено.

– Ну вот, слава богу, отмучались, осталось только погребок над ямой наладить. – Емеля, размазывая грязь, вытер лицо скомканной в кулаке бейсболкой. – Жарко что-то, душно, слышать тяжело, как бы грозы не вышло. – Сощурился, он глянул на восток.

– А бочка эта откуда? – спросил Алёша.

– В Погосте башня была. Две было, а одна нарушилась. Так с её верхушка.

«... Такая же у нас стояла», – вспомнил Алёша. В городе, в котором они жили когда-то с матерью, совсем рядом с их домом стояла железная водонапорная башня. Она часто переполнялась, и летом плакала струйкой, а зимой образовывалось вокруг башни ледяное царство, в котором, нарушая запрет родителей, безвылазно играли дети близстоящих домов, устраивали там крепости, горки, воображали... – что вот сейчас придёт снежная королева... А в затяжные морозы с верхушки башни свисали огромные, имеющие общее начало, сосули, которые каждую секунду могли сорваться. В такое время напоминала башня седобородого старика-богатыря.

После того как получили деньги, пошли к соседу Емели за самогоном. Сосед запомнился тем, что летом вышел в безрукавном полушубке из собачины мехом внутрь. ... Обычный полноватый мужичок, почти полностью лысый, с неприятно обрюзгшим лицом. По просьбе Емели мужичок охотно вынес, бережно держа её двумя руками, как младенца, трёхлитровую банку с самогоном.

– Здорово, Петя! Ну как Серёга? Жив-здоров? – спросил у соседа Емеля.

– А чего ему сделается. Жена его держит. Закодировался. Новую машину в кредит купил. Теперь не знай, приедет ли, да я ему и выкуп за дом дал.

– Аха. – Емеля принял из рук мужичка банку, которая хлопнула под крышкой, поставил её на дно захваченного из дома пестеря. – И ещё одно, не займёшь ли нам хлеба? А то пока с ямой возились, некогда было...

– Хлеба? – расплылся мужичок в улыбке. – Хлеба не занимают, так дам, полкирпичика.

– Серёгин старший брат, – объяснял позже Емеля. – На военном заводе работал! По всей деревне самый лучший самогонный аппарат у него. Да и в Погосте таких нету. ... Эх! Как они с Серёгой похожи были. А теперь? Да и теперь, кто не знает, испугается: «Что это с Серёгой поделалось? Заболел?» Да ведь ты, Лёшка, и Серёги не знаешь, что ты за человек такой, ничего не знаешь. Тьфу ты! А весной мы с Сергуней погуляли, внесли свои литры в общее дело. –

У Емели уже было выпито, и он болтал, не зная чуру. – Юрика вон отпаивали неделю. Знаешь, Лёшка, в мае у нас снег выпал, много, на траву на зелёную улёгся. И по этому снегу, у нас под боком, у самой деревни, убили лосиху с малым лосёнком. Она ведь от него не отходит, хранит. А тут с ружьём. Как выстрелов никто не слышал? Может, кто и слышал, да смолчал.

Но мы бы не расчихали про это... убийство, если бы не Юрик. Он приметливый. «Вброны, – говорит, – залетали. Что за беда?» Юрик в лес... – а там бойня, взяли только мякоть, с лопаток срезали. Телёнок, знаешь, тут же лежит, топором зарубленный, дураша, куда такой от мамки денется. Мясо на лосихе птицей испоганено, киснуть начало. Юрик ко мне, и мы к Серёге. И знаешь, Лёшка, не видал Юру, чтоб плакал, а тут плакал. Будто за все годы, будто и за меня и за Серёгу, унять никак. Неделю с ним нянчились. «Убью!» – да и всё тут. На Сашку, зятя Ани, думал. Тот, бывало, шакальничал по весне. Еле и отпоили и от греха отвадили... Да разве можно так-то?! – Емеля словно задохнулся, побагровел лицом. – ...Исс... – проглотил что-то тяжёлое. – Из Погоста мужик на своей машине ехал на свадьбу, по нашей дороге, по грунтовке, которую на лошадях отсыпали. (Асфальта тогда ещё не было.) И вот медвежонок-мальшонок выкатывается. Мужик дверку открыл, а тот, чудило, и лапу в машину сам положил, любопытно ему, игра всё. «Привет!» – значит, сказал. Мужик его в ноги посадил. Гладит: «Вот и подарочек на свадьбу. У кого ещё такой будет?» А жена толкает в бок. Тот не глядит., – «Аха, хороший». – ...Голову поднял... – а в нескольких шагах медведица! На задние лапы встала и на машину идёт. Этот хотел назад сдать, а там лесовоз, уже впритык подошёл. Испугался он, потом умылся, как дурной, говорит, сделался: «Ну всё, смерть». Хорошо мужик лесовозник догадался сигнал дать... Этот... очнулся, медвежонок из машины выкинул. Медведица медвежонок шлепка – слушайся мать, пока ума нету! Тот кубарем на обочину – и в кусты. Сама ещё рыкнула и ушла степенно. Эх, Лёшка! Разве можно дитё у мамки отымать? Был бы подарочек на свадьбу.

...Сейчас, в воспоминаниях, когда болела голова, рассказ Емели произвёл на Алёшу ещё большее впечатление, чем вчера. Он вспомнил, как однажды в их город забрёл лось. Люди погнались, и он закололся около церкви на железных оградках кладбища.

В тот день сосед по общежитию дядя Сергей принёс матери большой кусок свежего мяса.

Алёша шевельнулся на кровати, скрипнув пружинами, но всё-таки не встал и снова окунулся в недавно пережитое.

...Сидели вчера за рекой, прямо около телятника, жгли костёр. Из деревни потихоньку подходили мужики, и уже набралось человек десять. В разгар гулянки, когда Алёша задремал, Емеля неожиданно крикнул:

– Новгородовы пожаловали!

И это поразило Алёшу: «Новгородовы пожаловали!» В воображении он представил далёкое прошлое, что вокруг сидят дворяне охотники, рядом любимые собаки, где-то в стороне фыркают кони. Охотники подняли бокалы: виной тому удача или неудача, какая разница? Да и кто знает, как тогда было? Кто расскажет?... Алёша встряхнул головой и оглянулся: вдалеке стояла лошадь с телегой, а на телеге сидели два мужика.

Новгородовы привязали лошадь за поперечину одного из окон телятника, которые уже все без стёкол. Один из мужиков – Александр, зять Анны, а второй – его младший брат Алексей.

Александр, подойдя к костру ...кажется, почти с ходу, глядя на Юрия, достал из рюкзака одну за другой две бутылки водки:

– Первая мировая. Вторая мировая. И ещё есть. Что, Юрик, пора мириться?

...Помнит Алёша, что, раскинув руки, долго лежал навзничь на измятой траве у самого костра и смотрел, как поднимается в небо дым. Казалось опьяневшему, с затуманенным сознанием Алёше, что вместе с дымом улетает и он сам. И видно сверху деревню, изгиб реки, чёр-

ный телятник – «общежитие телят» – как шутит он. Около телятника так и нераспряжённая лошадь, которая выела под собой всю траву. Костёр небольшой, с тонкой струйкой дыма. Огонь совсем слабенький, едва дрожащий, свечной. Вокруг костра раскиданы мужики, поют песню.

Юрий почти не поёт, качает опущенной головой в такт песни и только иногда вскидывается и выкрикивает несколько слов. ...Емеля сидит, опершись обеими руками в землю, он зачем-то слегка запрокинул голову, словно выказывает свою богатую бороду, а может, разглядел что-то высоко в небе.

Песня всем своим пьяным разноголосием слышна отчётливо, и губы Алёши уже шепчут её:

В понедельник проснулся с похмелья,
Денег пропитых стало мне жаль.
Эх, зачем же я пил в воскресенье,
Пропил чёрную жёнкину шаль?
Эх, зачем же я пил в воскресенье,
Пропил чёрную жёнкину шаль?

А во вторник в трамвайном вагоне
Я случайно десятку нашёл.
Пропил эти найдённые деньги
И не помню домой как пришёл.
Пропил эти найдённые деньги
И не помню домой как пришёл.

Ну а в среду идти на работу,
Надо пьянке положить конец.
В эту среду женился товарищ,
Я опять нализался подлец.
В эту среду женился товарищ,
Я опять нализался подлец.

А в четверг была память по Шуре,
Надо было её помянуть.
Продал брюки, купил самогонки,
Чтобы выпить и крепко уснуть.
Продал брюки, купил самогонки,
Чтобы выпить и крепко уснуть.

Ну а в пятницу я удивился,
Сколько выпито было вина.
В эту пятницу снова напился,
Выпил полную чарку до дна.
В эту пятницу снова напился,
Выпил полную чарку до дна.

А теперь на работу не примут,
Потому что пять дней прогулял,
Ну и что же, напьюсь и в субботу,
Остальные кальсоны продам.

Ну и что же, напьюсь и в субботу,
Остальные кальсоны продам.

...К вечеру, закрыв солнце, подобралась к деревне огромная тёмная туча. По надречью растёкся веющий холодом сумрак. Гром приглушал говор компании. Алёша, оглупевший от вина, не слышал, не слушал уже мужиков, он наблюдал за этой, нависшей над землёй, завораживающе клубящейся массой, из которой выскакивали молнии.

Мужики, как ни в чём не бывало, сидели, лежали. Но вот наконец туча напоролась своим отвисшим брюхом на копыта огромных елей... Шум холодного вперемешку с градом дождя заглушил недавний свист ветра. Градины звучно ударяли в стены телятника, колотили в крытую шифером крышу, сыпались с неё крупными ледяными картечинами.

Мужики, утащив с собой бесчувственного, словно мёртвого, Алексея, спрятались в телятник. Кто-то сказал:

– Как бы в деревне стёкла не вышибло.

На улице билась о стенку, воровчала телегой, больно ржала привязанная лошадь...

Алёша с трудом отогнал воспоминания и открыл глаза.

С потолка на толстом проводе свисает лампочка-груша... которую нельзя есть. Мысли о еде противны. В голове шумит, тело, как большая болячка, – словно били! Пинали ногами в кирзовых сапогах человек десять... лежачего.

2

Алёша разлёживался до вечера, а в ушах всё не умолкала песня. Видимо, именно от этой песни, уже выученной наизусть, он сегодня и проснулся.

Наконец Алёша встал: надо идти в Погост к Александру. Обещал ему. Вчера тот довольно громко, горячо дыша в ухо, нашептал Алёше: «Приходи завтра под вечер ко мне, тайну лодки расскажу. ... Не думай, моего дома не спутаешь, он крайний от старого кладбища, от пустыря, и у него спереди на фронтоне, под самым козырьком, “тарелка” – спутниковая антенна. В Погосте у меня у первого появилась».

...Алёша освежился, вылив на голову целую черпуху колодезной воды, приставил к двери дома палку, вышел на деревенский угол и... остановился на полувздохе: неожиданное воспоминание поразило его!.. Первый раз в жизни вспомнился отец. ... Они стояли здесь же, перед спуском к реке. Отец большой, неестественно высокий, прямо великан. Наклоняется «горой» к Алёше: «Вот, Алёша, наше деревенское поле. Раньше здесь рожь сеяли, ржаной хлебушек, а по самому берегу сажали капусту и репу. Но это давно. Теперь луг. Примечай! Весной поле зелёное – молодая травка поднялась. Потом жёлтое – всё в мать-мачехе, в молодых одуванчиках. Я их маленькими солнышками зову. Потом колокольчики распустятся – поле голубым с синим отливом нарядится. Стоят колокольцы – нам позванивают. Редко кто слышит. Как ромашка в цвет войдёт, поле в белом платье окажется. Любимое моё время. Ну а потом уж скосят. Ромашка цветёт – косить пора».

...Теперь ромашки почернели, трава начала желтеть. Только в одном месте, сразу за телятником, выкошена небольшая проплешина, валяется на ней несколько рулонов сена.

Алёша постоял ещё несколько секунд и стал спускаться к реке, вода в которой порядком поднялась и помутнела – видимо, где-то в верховьях прошёл сильный дождь.

* * *

Александр встретил Алёшу на веранде.

– Пришёл?!

– Пришёл. Здравствуйте.

– Здорово! Садись напротив меня! – показал он рукой на деревянное кресло-качалку.

Сам Александр сидел на деревянной лавке с резной спинкой. На веранду, похоже, он вышел только что, выглядев гостя в окно. Облаченный в камуфлированный костюм и домашние тапочки, Александр нервно прикуривал мятую сигарету.

– Не могу уже без этого. А всю армию не курил, хотя заставляли, – сказал, выдохнув изо рта дым. – Хочу тебе тайну лодки рассказать, – заулыбался он, растирая ладонью опухшее после вчерашнего лицо.

– А вы на подводной лодке служили?

– Служил... Да только я не про атомную. Про деревянную! Мою осиночку!

Он помолчал немного, жадно затягиваясь и напуская на веранду пелену неприятно пахнущего дыма.

– Раньше у нас в деревне... (в которой ты сейчас живёшь) два стоящих мастера по лодкам было: Емелин отец да мой. Ну как? Мой отец сначала не умел. Он и моложе. Пришёл к Александру Ивановичу: «Сделай, Александр Иванович, милость, научи». – «Как, – говорит, – научить? Осина есть?» – «Есть». – «Где да где?» – «Там-то и там-то». – «Далеко. Время нет идти. Я, парень, сам как учился: бесплатно в работниках лодку делал и всё смекал. Только вот теперь у меня заказа нет...»

Подумал и говорит:

– Вот что, я тебе срисую. Думай, что это осина.

А под рукой как раз полено оказалось, круглешок. Александр Иванович на нём всё гвоздём и выцарапал: где сколько отступить, как чего расчертить. И толщину стенок указал, и расстояние между сторожками.

– Если по этой указке сделаешь – быть тебе мастером. А разводить будешь – приду.

Отец всё по указаниям и сделал. Только осень. Приморозки сильные. Из-за чего, прежде чем работать, около осины надо костёр распалить, нагреть её, – а то расколется.

Больше недели вдвоём с мамой бились. Сделали, надо разводиться. А Александра Ивановича не предупредили, он в город уехал. Что делать? Зимой уж дышит, дело не терпит. Давай сами. Над огнём греют и чащинки вставляют. И развелась! Надо с огня снимать – пришёл Александр Иванович. Здоровый старик был. Проревел медведем:

– Тут, Алёшенька, я и не к чему! Как игрушку сладил.

С огня помог снять, ещё кой-чего сказал и ушёл по своим делам. В честь его и мне имя дали.

Так вот, умер Александр Иванович, умер мой отец. А мне так захотелось лодку сделать, самому сделать! Мочи нет!

Сыскал осину. Тут у полянок. Толстая! А как определить, что на лодку гожа?.. Обними её: кончики пальцев не соединились, значит, ладная. Понятное дело, что надо стараться, чтоб без сучков, чтоб здоровая, чтоб не сбежистая, не высокая. Желательно, чтоб кора зелёная.

Нашёл я её осенью, всю зиму радовался, мечтал. Делать, думаю, буду по весне. Приду, спилю и сразу делать буду. А по весне не вышло – свадьбу играл! Перенёс на осень. Летом не проверял, как она. Пришёл по осени делать, а она уже давно молнией убита. Верхушка отрублена, и до самого корня трещина. Вот беда!

...Давай снова искать.

Нашёл! Рядом делянка, мужики лес заготавливают. Я им поставил бутылку, сговорил помочь. А где бутылка, там и вторая, и третья. Никто не говорит: давай напьёмся до поросычье визга, все говорят: давай выпьем по чуть-чуть...

Пошли всей бригадой, а запилил сделали худенько, из-за чего осина не упала как надо, а с комля вдоль по стволу лопнула, назад пошла. Хорошо никого не убило...

...И вот, только когда старший мой, который через пять месяцев после свадьбы родился, в школу пошёл, сбылась мечта, сделал я лодку.

Пришёл на место опять осенью. Со мной помощником сосед, бывалый мужик. Листья уже опали, лежат на земле, преют. Лесок редкий. Среди деревьев стоит осина крепышом, кудрявым богатырём. Не высокая: только-только до первого сучка лодка выйдет. Ветки у неё толстые, далеко разрослись в разные стороны, переплелись, словно спутавшиеся волосы. Царь-дерево.

Долго мы запиливали, осторожничали, чтоб уронить и не расколоть. Наконец упала она с сильным треском точно на подложенные тоненькие брёвнышки, это чтоб готовый кряж не по земле катать, а по подкладам. Отпилили сколько надо, окорили. Запахло живым осиновым духом. Смотрю, а по белому оголённому стволу кое-где тёмные пятна.

– Что такое? – испугался.

– А это синяки от ударов. – Петька тот скорее понял.

(...Как вчера было...)

...Немного повернули осину, подкатали по кряжам, установили её так, чтоб бугорком вверх. А она белая-белая – руками трогать страшно.

Принялись размечать, расчерчивать. А как, думаешь, расчерчиваем? Не карандашом. А берём нитку, тонкую верёвку метров шесть или больше, натираем её ольховой головёшкой, натягиваем по осине в том месте, где надо черту поставить. Нитку оттягиваем – хлоп! – черта готова. Так всё и разметили.

После этого, первым делом, носы опилили, закруглили их топором, чтоб лодка по воде походней шла. Отесали слегка дно, рубанком огладили – получилась подошва, с ней лодка устойчивее будет. Что дальше делать? Надо нутро выбирать. А эта работа многодельная. Только к вечеру выбрали мы большое.

Назавтра пришли, лодку повернули вверх дном, стали сторожки ставить. Сторожки – они из ольхи, потому как она краснеет и их хорошо видно. Сторожки – сантиметр в диаметре и сантиметра полтора-два в длину. Сколько длина сторожка, такова толщина бортов и дна будет. Считай со спичечную коробку! Уж не толсто! Недаром у отца присказка была: «Чтобы лодку сделать, надо всю осину на щепу перевести». Сверлим дырки и ставим сторожки рядками, идущими поперёк лодки, опоясывающими её. Расстояние между рядками, сантиметров сорок, а между сторожками – пять. После того как сторожки вставишь – перекур. Это уж заведено так. Сидишь и смотришь на осину. Сама она белотелая, и по этой белизне ольховые сторожки, тёмно-красные, коричневые, – будто глазки, родинки. Как наглядимся на это чудо – дальше выбирать. Теперь теслом не так сильно машешь, боишься, как бы не прорубить, ждёшь, когда сторожок скажется. А он тут и есть! Проявился глазочек. А иногда бывает сначала дырка проявится, потому что сверлили с запасом. Как глазок на тебя глянул – работа ювелирная пошла, теслом только слегка подстругиваешь, следующий глазок ищешь. Так, потихоньку, помаленьку, всё дно выравниваешь, чтоб бугорков не было.

Делали мы на совесть и закончили только к темноте. Тут уж, по заведённому обычаю (отец это любил), один из плотников должен внутри лодки проползти. Если проползёт – значит хорошая будет. Да ты, наверно, не представляешь: как это внутри лодки. ...Длиной она пять с половиной метров, носы залажены, как будет у готовой лодки. Внутри её выбрано, так что осталась одна оболочка – это борта. Только около носов между бортами можно легко внутрь лечь, как в люльку, а ближе к середине лодки борта сходятся (пока не разведёны). И на самой

середине расстояние между ними небольшое: бывает – что едва топориче влезает, а бывает – и тридцать сантиметров. Расстояние это от толщины осины зависит. Работать, конечно, удобнее, когда оно побольше: рук не отобьёшь, да и выбираешь скорее. Так вот, надо внутри лодки как раз под этой серёдкой пролезть: около одного носа в лодку лечь, а около другого подняться. Я не удержался – пролез!..

А разводить на следующий день стали. Тут тоже много ума и умения надо. Хорошую лодку сделать – целая наука. Ты не думай, что всё так просто, я тебе только вкратце рассказываю, а так много разных тонкостей. Как жизнь из мелочей состоит, так любое мастерство – из тонкостей.

Пришли мы рано утром. До этого оба дня погода стояла пасмурная, небо стылое, линияемое, деревья своими голыми ветками его царапают, бороздят. А тут пришли, слегка приморозило, небо вычистилось, прояснело. В лесу тишина, только шёркот от ног. Пришли на место, под горой ручей на своих инструментах играет. Остановились и стоим, не хочется нарушать такую благодать. ... Чуть погода у ручья рябы запели, разошлись не на шутку, друг друга подхватывают, упиваются песней, на разные голоса её раскладывают. Они всегда в первый день после непогоды удержу не знают. ... Солнце наклонилось на востоке, набухло и родилось. Разложили мы костёр, длинный, чтоб почти во всю лодку. Сначала накидали сухих дров, а потом и сырых берёзовых, чтоб жара больше было. Принесли ведро воды и тряпку на палке приготовили. Это для того, чтоб лодку мокрой тряпкой протирать, чтоб не загорелась. Козлы с одной стороны костра поставили. Потом с этих козлов две жердины через костёр перекинем, – будем на этих жердинах лодку над огнём держать.

... Вот уже и жар самый подходящий, издали слышно на лице его тёплый дух. А я всё не решаюсь. Знаешь ли, разводить самое трудное для меня. Вот срубил ты осину, сделал лодку, налюбовался на неё, нарадовался. А разводить стал – раскололась! И знаешь... хоть в церковь не ходил, а тут попросил, чтоб получилось. Петька как почувствовал. «С богом!» – говорит. Меня с места сдёрнуло. Вязаную шапку на голову натянул, и принялись мы за дело. То один бок погреем, то другой, то подошву, то нутро. Когда нутром книзу, жар там такой накопится, что руку не суй – не стерпишь.

Запахло горячей, парной осинной.

... Не знаю сколько времени грели, не засекал, да и не до того было – вдвоём едва справлялись, от огня и от работы разгорячились, вспотели. Шапкой лицо утёр, гляжу сквозь тёплое дыхание углей, а лодка так вся и заходила, заиграла – только шевельни – борта дрожат. Сняли мы её с костра, давай чащинки вставлять – это стволики молодых ёлочек. Согнём их луком и вставим в лодку, чтобы концами в оба борта упирались. Чащинки эти разогнуться мечтают и своей малой силой борта потихоньку разводят. Чащинки вставим – и сразу на огонь. Погреем, погреем – ещё несколько чащинок вставим. И опять на огонь. Вскоре она и развелась до нужной ширины. Мягкая оказалась, хоть на обратную сторону выворачивай. Немного мы чащинок вставили, малым числом обошлись, а бывает к сотне подходит – и всё никак. Теперь уже набрался опыта, знаю, что сначала лодку надо хорошо разогреть, чтоб она зашевелилась, заиграла, живой стала. А будешь раньше времени чащинки вставлять – расколешь – из одной две сделаешь, только ни в которой не поплывёшь. ... Сняли мы лодку с огня и поставили на ровном месте на жердинки, чтоб холодной земли не касалась; в трёх местах между бортами планочки прибили – это чтоб борта обратно не сошлись. Через несколько дней, как она от жара отдышалась, к своей новой форме чуток привыкла, увезли мы лодку на лошади в дерев...

– Лодка раньше кормилицей была? – перебил Алёша.

Александр, который, рассказывая, сам, наверно, того не замечая, выкурил несколько сигарет подряд, достал ещё одну.

– Ну а как же! Отец говорил: «В большую воду через реку перевезёшь – яичко дадут». Да как не кормилицей? Всё мастерство у отца с лодок пошло, весь заработок. Заметил уже столбы

резные, которые крышу веранды держат, – его работа. Кресло-качалку тоже он ладил; и вот, диван этот деревянный! – Александр хлопнул ладонью по лавке, на которой сидел. Сбросил тапки и сунул ноги в галоши. – А пойдём-ка! Пойдём, пойдём... – загадочно улыбаясь, вывел он Алёшу на улицу. – Дом этот тоже отец рубил. Ты не смотри, что вагонкой обшит и покрашен, – внутри он старинный. Ты двор погляди! Ещё дедов. Смотри какой огромный. Там внутри раньше хлев тёплый был. На поветь на лошади заезжали и там с возом разворачивались. На повети раньше всё станок драночный стоял – тоже отцов заработок. Отдал я его. ...А дом из-за реки, старинный. Особенно двор. Помню, из армии после сверхсрочной пришёл. «Нет, – думаю, – как за рекой жить? Ни дорог, ни чего. Дети родятся: ни в садик, ни в школу, ни в медпункт: всё далёко». Весной как в другой стране живёшь. ...Перевёз я дом в центральную усадьбу. Из трёх мест выбрал лучшее: тут и колонка рядом, и подъезд удобный, и огород под рукой. Хозяйством обзавёлся малёшко... А углы у двора не стал опиливать! Смотри! – порывисто показал сразу обеими руками. – Видишь, некоторые брёвна на полметра дальше других в стороны торчат, топором обрубленные, словно огромные карандаши неровно оточенные. Это комлевые или с вершины; когда рубили, некогда было опиливать: потом да потом. А потом – это никогда, так и остались. ...К этому, самому нижнему бревну отцом специально для меня шест был прибит, и я маленьким по нему ползал. До чего же длинным, высоким казался мне этот шест. А теперь гляди: рук до бревна хватает.

Александр замолчал, вспоминая что-то.

– Хочешь лодку-то мою посмотреть?! – крикнул вдруг и ловко полез по углу двора вверх. – Видишь, хорошо, когда углы не опилены.

К задней стене двора примыкал большой рубленный из лафета хлев с дощатой односкатной крышей, на которую забрался Александр. Ноги его скользили по крутизне, но он, придерживаясь руками за края досок, добрался до небольшого вентиляционного окошка повети и заглянул в него.

– Вот она красавица! Вот! С запада оно тоже окошко, а солнце заходит. Так всё в красно-розовом! Красота... Ползи давай!

Но Алёша, отошедший в сторону, чтобы лучше видеть, только отрицательно помотал головой.

– Чего ты?!

Алёша всё стоял.

– Ну... Ну что. Ну что ж. Ладно, ладно... – Сразу сделавшийся каким-то неловким, с длинными руками,двигающимися словно на шарнирах, Александр присел на корточки и съехал по крыше вниз, как ребята по ледяной горке. Спрыгнул на землю. – Пойдём через дверь, – сказал обиженно. Но на веранде он остановился, сел на лавку и выкурил подряд две сигареты. Потом ещё долго молчал, не глядя на Алёшу.

...Наконец справился с собой.

– Эх!.. Давно я уже хотел кому-нибудь вот так просто про лодку рассказать. Столько передумал, поперемалявал в голове. Жена спит, а я лежу, рассказ составляю и мечтаю... как подрастут сыновья, обскажу им всё про лодку, про её тайну. Как пойдём всема в лес, същем осину, спилим и начнём лодку делать: я, да Евгений, да Пётр... Эх!.. – махнул он рукой. – Ладно, пойдём лодку посмотреть, а то уже и солнце зашло, темнеет.

...Поднялись по тёмной, скрипучей лесенке, открыли небольшую дверь на поветь... Вспыхнувший вместе с щелчком включателя свет резанул глаза! Алёша отвернулся.

– Лампочка на пятьсот, специально заказывал, – похвастал Александр. – Ты на лодку смотри. Как?! А?!

Посреди просторной повети, на широких плахах её пола, на зелёном сейгошном сене, положенная под углом к двери, красовалась лодка. С чуть приподнятыми носами, крашенная

снаружи в жёлтый цвет, с гладкими бортами, напоминала она своей обтекаемой формой половинку какого-то невиданного, огромного стручка. ...Внутри лодка такая же гладкая, только не крашена, уже слегка посерела. Видимо, для укрепа, вогнаны в лодку, на одинаковом расстоянии друг от друга, четыре поперечных ребра, аккуратных, довольно тонких, точно повторяющих форму лодки. У кормы нос шире, к ближнему от него ребру прилажены доска-седулька и доска-перегородка, отделяющая нос от остальной лодки. Алёша рассматривал осиновку и с удовольствием вдыхал запах свежего сена, который напоминал о сенокосе.

– А? Ну как? Чудо деревянное! Смотри, как упруги точно подогнаны! Сколько я выбегал по лесу, пока эти кривулины нашёл. Я их на шурупы из нержавеющей стали привернул – лодка гнить не будет. ...Бесёдка – это на которой сидеть, тоже на нержавеющей стали. ... Недавно хлопцы мои повадились играть в лодке. Но разве можно на твёрдом – расколуют. Выругал. Хоть замок вешай...

3

После захода солнца Погост не узнать. Если смотреть издали, домов не видно, их скрывает темнота, и селение горит множеством огней, словно медленно пролетающий космический корабль. Алёша, выйдя из Погоста и оглянувшись, долго стоял и любовался на эти деревенские звёзды ближнего неба. Пока наконец не услышал глухих равномерно раздающихся звуков от ударов конских копыт в землю. ...Сначала показалась из темноты лошадь, а потом и телега. На телеге, пьяно болтая в полубреду-полусне, лежал Алексей.

Уставшая, набродившаяся за день лошадь, казалось, ничего не замечает вокруг, но, едва пройдя Алёшу, она остановилась и повернула голову в его сторону. Алёша вспомнил, что вчера кормил её хлебом. Постоял немного и подошёл к телеге, осторожно потряс Алексея за плечо. ... Тот поднялся, долго всматривался в Алёшу, придвинувшись так близко, что хотелось отступить от него, и вдруг крикнул:

– А! Тёска! Здорово! Мы же с тобой с одной деревни, – говорил он довольно связанно и чётко, что совсем не сочеталось с осоловелыми глазами и припухшим лицом. – Я бы в Погосте никогда не построился, да Оля. Оле здесь лучше. Поехали давай ко мне.

– Нет, Алексей, я просто... Я подумал, что лошадь пьяного куда-нибудь не туда увезёт.

– Лошадь?! – засмеялся Алексей. Смех его казался неприятным в темноте. – Лошадь-то как раз всегда домой привезёт. Поехали давай ко мне, с Олей познакомлю.

Алёша подумал и сел на телегу.

При въезде в Погост Алексея опять схватило. Он снова заговорил сам с собой, сдавив голову руками, начал раскачиваться из стороны в сторону и тяжело вскрикивать.

Лошадь не обращала на это никакого внимания, только поторапливалась, почуяв родной двор.

– Вы с ним посидите, пожалуйста, – попросила молоденькая девушка, представившаяся Аней, когда Алексея под руки завели в дом и уложили на диван. – Чтоб он не один. Только свет не включайте и светильника хватит, а то всю ночь не уснёт, а я пока Мету распрягу, устала она.

Ночной светильник плохо освещает комнату. От всех предметов тени. И от Алёши тень, и от Алексея, который вскочил на диване, удивлённо оглянулся вокруг, а теперь сидит и почти беззвучно раскачивается из стороны в сторону. От этого делается не по себе. За окном темнота. Кажется, выйди из дома – и на сотни километров никого. По неволе начинаешь думать, что комната затерялась в пространстве, летит одинокой капсулой, а куда?

Аня, пахнущая конским потом и подвянувшей травой, вернулась довольно скоро, но Алёша с трудом дождался её. Небольшого роста, светловолосая, худенькая, в лёгком светлом платье, она стянула с Алексея брюки, расстегнула все пуговицы рубашки и потом заботно прикрыла его одеялом. Повернувшись, внимательно поглядела на Алёшу.

– Вы, наверно, ещё не служили?

– Нет. – Алёша радовался, что теперь не один.

– А он побывал в пекле, в горячей точке. На войне. Что он там повидал, какой ужас? А рассказать не может, держит в себе боль. Я ему сестра двоюродная, а и то, иногда в бреду проговорится...

– Оля... – застонал Алексей.

Аня наклонилась к нему:

– Что? Что? Оля уехала. Это Аня, сестричка.

...Но он не замечал её, видя своё...

– А-лек-сей! А-лек-сей! – старался схватить что-то руками с растопыренными пальцами (можно было подумать, что свою тень) поймал маленькую ладонь сестры, прижал к груди и успокоился. В уголках глаз его, колючими осколками хрустала, выдавило слёзы. – Я вчера у нас в деревне был. Там что не дом, то покосился: если не на этот угол, так на другой, не перёд просел, так зад или бочина, – словно пляшут дома, пьяные, и не первую неделю в запое...

Иногда Алексей забывался и совсем затихал. Но через несколько минут, задрожав всем телом, вскакивал на диване, звал Алёшу, хватал его за руки. Крепко сжимал их. Долго сидел ссутулившись и опустив голову. Болтал что-то бессвязное, плакал (и было непонятно, плачет он или смеётся), иногда страстно шептал, дыша жаром в самое ухо.

Со временем вся комната наполнилась перегаром. Догадались открыть форточку, впус- тив влажный ночной воздух.

Наконец Алексей уснул, послышалось его спокойное дыхание. ...Аня перекрестилась, махнула Алёше рукой: иди. А сама осталась с братом.

* * *

...Только когда поднялся на небольшую насыпь и перешагнул белую разделительную полосу, Алёша остановился, догадался, что находится на автомобильной дороге. С тяжёлым надорванным сердцем возвращался он из Погоста. Шёл через поле напрямую, шёл быстро, запинался и падал, часто разговаривал сам с собой и тогда вспоминал Алексея, сидящего на диване. Алёша оглянулся. Так как наступало воскресенье, огней в Погосте не убавилось. Под популярные ритмичные песни в широких окнах клуба (словно внутри помещения что-то замкнуло) моргала светомузыка.

...В эту ночь у дороги, которая ведёт в деревню, около камня с надписью, Алёше посчастливилось увидеть светлячков. В ночной темноте они своим малым, но настолько волшеб- но-ярким, настолько чудесным светом тронули сердце, ощутимо толкнули его в груди, рас- шевелили, разогнали до такого частобиения, что оно стало казаться Алёше маленьким чело- вечком, дрожащим от счастья.

В эти минуты, снова как и утром, вспомнился отец! Снова высоким великаном... Алёша сидит у него на плечах. Видно далеко-далеко, кажется – до края Земли. Ветер ласкает, шевелит пушинки волос у Алёши на голове.

«Сегодня пойдём светлячков смотреть, – говорит отец. Молчит несколько секунд и потом продолжает: – Вот, Алёшка, может быть, какой-нибудь древний учёный собирал светлячков, ставил банку на стол и при их свете по ночам работал, открывал что-нибудь».

...Ходили ли они тогда смотреть светлячков?..

До сегодняшнего дня Алёша помнил из детства только одно: ...дом, опять же огромный, просторный, светлый. Алёша стоит перед открытым настежь окном. Окно завешено выкинутой наружу шторой. На улице лёгкий ветерок. Он через окно пробирается в комнату, надувает штору пузырьём... И кажется маленькому Алёше, что он на огромном-огромном паруснике, который видел в книге отца.

Захваченный этими воспоминаниями, Алёша прошагал до телятника. Хотелось спать, даже глаза закрывались на ходу, голова слегка кружилась, отчего порой несло против воли на обочину. Но Алёша знал, что ни тревожные мысли, ни тем более сердце, частое биение которого напоминало Алёше далёкий стук конских копыт, не дадут заснуть.

...Около телятника горел костёр, вокруг которого сидели люди.

– Эй, иди к нам! – позвали от костра, и Алёша не задумываясь пошёл на крик.

Огонь дышал теплом, потрескивал. Алёша невольно протянул к нему ладони. Костёр большой. Огонь сжимал в своих горячих объятиях доски, крестовину рамы и длинные поленья, видимо, заготовленные для большой русской печи. Хотя яркий свет пламени хорошо освещал сидящих вокруг костра молодых парней и девушек, Алёша никого не узнал.

– Выпьешь с нами? – спросил, тряхнув бутылкой, самый высокий из парней.

– Нет, – отказался Алёша.

– Ты давно уже здесь живёшь, а с нами не познакомился. Давай за знакомство? Мы тоже приезжие, как и ты, не деревенские.

– А я местный, я здесь родился... – ответил Алёша и сам испугался своих слов: «А вдруг будут бить?» Он не сводил взгляда с бутылки, словно решил, что это граната, которой и ударят в первый раз.

Высокий помолчал немного, внимательно глядя на Алёшу, и засмеялся чему-то.

– Ну, смотри. – Он снова тряхнул бутылкой. Прозрачная жидкость внутри её, получив ускорение, рванулась вверх по стенкам, добралась до самого горлышка и потом... сбежала обратно.

«Неужто кошмар?!» – испугался Алёша, не заметив, что сказал это вслух. Под дружный хохот компании он отошёл метров десять от костра и, сев на траву, стал смотреть на тихую деревню на той стороне реки. В нескольких домах всё ещё не спали. «Тревожные сигнальные огни», – подумал Алёша. ...Земля оказалась холодной, и вообще холодно. Особенно после костра. На небе звёзды, которые не греют и лишь притягивают взгляд. Но уходить не хотелось, страшно в эту ночь оставаться одному. Груз одиночества и ответственности свалился на Алёшу. Словно пестерь за спиной (такой же, как у Емели) до этого кто-то поддерживал, и вот отпустил. Отчего прогнуло, чуть не сломало в пояснице, пришлось отступить назад; лямки врезались в плечи, в грудь, ворот рубашки сдавил горло...

Алёша глянул на пылающий костёр и снова стал смотреть в сторону деревни. Он вспомнил слова Серёги: «В городе ты одинок, а на природе наедине, наедине с природой».

– Наедине. ...На-е-ди-не... – тихо выговорил Алёша и прислушался к сказанному слову.

Но как же страшно впервые оказаться наедине... с кем-то, с этим огромным великаном, в котором ты всего лишь молекула крови, молекула, которая по кровеносным сосудам впервые добралась до сердца исполина...

– Почему скучаю? – прервала Алёшины мысли стройная черноволосая девушка, устремившись рядом. Усевшись, она поджала ноги к себе и обхватила их руками. Слегка повернув голову, искоса поглядывала на Алёшу, дожидаясь ответа. Приталенная чёрная курточка, с гладкой, словно полированной кожей, очень шла девушке. Её чёрные брюки, похоже, сшиты из особой ткани, которая, обтянув округлые колени, вслед за кожей куртки, слегка отражала ночной свет.

– А я не скучаю, – ответил Алёша.

– Как не скучаешь?.. Скучаешь!

– Я телевизор смотрю.

– Какой телевизор? – снова удивилась девушка.

– Цветной.

– Цветной?..

– Вон, в крайнем доме, – засмеялся Алёша. – Окно забыли завесить.

Девушка посмотрела по направлению его руки и тоже, вслед за Алёшей, засмеялась.

– Действительно, телевизор. И что показывают? – улыбнулась она.

– Не знаю... Разные цвета.

– Значит, радуго показывают.

– Значит.

– Будем смотреть вместе.

Алёша улыбнулся в ответ.

Они долго сидели и смотрели молча, как где-то в начале деревни меняло цвета окно-маяк. Девушка, может, и думала начать разговор, но не начинала. А Алёше разговаривать не хотелось, он только радовался, что не один.

– Марго! – крикнули от костра. – Мы в Погост на дискотеку, ты с нами или остаёшься?

– Сейчас! – Она поднялась с земли на корточки и внимательно посмотрела на Алёшу: – Увидимся. – Вслед за остальными пропала в темноте.

4

Четвёртый день шёл дождь.

«И так всё залило, морковь плаванью обучается. Куда? – ворчал Емеля, глядя в окно, но потом обязательно прибавлял: – Ну да ладно, после такого потопа хоть грибов навискакивает, что прыщей от крапивы».

Сначала Алёша радовался дождю. После похода в Погост, после бессонной ночи, которая казалась Алёше кошмаром, он проснулся только в обед. А на улице дождь!.. Ещё тёплый, несущий свежесть, ещё вперемешку с лучами солнца, ясный взгляд которого дарит возможность любому глазу увидеть в каплях воды самоцветы...

Алёша, раздетый до пояса, выбежал под дождь. Поднял руки навстречу дождинкам, обжигающим непривыкшее тело: «Вы-рас-ти хо-чу!» Долго кружился в непонятном танце, кричал в голос, не стесняясь соседей. Подскочил под потоки, под звонко ударяющую в землю струю, которая сразу же заскользила по телу, освежающе обнимая своей тонкой текучей рукой уставшего человека. Иногда Алёша подставлял под домашний водопад ладони, набирал полную пригоршню и плескал это ручное озеро влаги в лицо. Часть воды попадала в приоткрытый рот...

– А-а-а-а! А-а-а-й! – услышал Алёша звонкий голос. Удивлённо оглянулся: в его двор через открытую калитку, широко разводя руки и хлопая ими по бёдрам, разбивая босыми ножками лужи, вздымая их мелкими брызгами, влетал смеющийся белобрысый малыш в одних шортиках.

Но первое очарование дождём прошло. От неутешного плача неба в дом пробрались сырость и стылость, и приходилось топить русскую печь, выкладывая сухие берёзовые дрова клеткой. В подрубке печи, за расписными дверками, нашёл Алёша ухват, осыпавшееся помело, три алюминиевых чугунок, согласно своим размерам сложенные один в другой, да ещё несколько сковородок и совсем новые жестяные формочки для шанег.

В большом чугунке Алёша варил суп, в среднем – молодую картошку, а в маленьком – каши.

Эх! Как же вкусна каша, согретая в сердце русской печи!

...Алёша отставлял заслонку, медлил несколько секунд, ожидая, пока выйдет самый горячий запёртый печной дух; цеплял чугунок и вынимал его на свет ухватом, потемневший держак которого отполирован ладонями. ...Затем, натянув на пальцы рукав рубахи, скидывал горячую крышку, снимал ложкой подсыхшую корочку, сдабривал кашу маслом... а сам дышал, не мог насытиться запахом, повторяя про себя: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Стол Алёша скатертью не застилал, любил так. Стол довольно большой, тяжёлый, со столешницей из трёх широких досок, сделан по-простому, но очень прочно. Алёша ставил посередине его на квадратный кусок фанеры чугунок с слегка парящей кашей, рядом клал некрашенную деревянную ложку, два-три ломтя чёрного хлеба, отходил в сторону, садился на кровать, скрипнувшую пружинами, и минуты две смотрел... – наедался вкусом.

...Первая ложка обязательно полная, обязательно под запах мягкого Аннинного хлеба.

В субботу Алёша принёс от Анны, закрывая плащом, готовое тесто. Вытопив печь, испёк шанег. После бани сидел у окна и пил чай с этими золотистыми, мазанными маслом каравайчиками. Горячий чай вышибал пот и Алёша вытирал его внешней стороной ладони. За окном, как и всю неделю, шумит дождь; с крыши сбегает струи воды; капли, попавшие на стекло, скользят вниз. Кажется Алёше, что он находится под водой внутри батискафа, который со страшной скоростью поднимается из пучины к поверхности океана. Счёт времени потерян. Иногда тюль дождя сдёргивается на пару минут и за окном виднеется давно изученное до мелочей лицо соседнего дома, который сильно просел на один угол и, кажется, сейчас стронется с места и поплывёт, разбивая просевшим углом воду.

...Нежилой, ещё более почерневший от дождя; в окнах кое-где вместо стёкол фанера. Крыша пологая, далеко выпущенная с обеих сторон, крытая шифером, который местами замшел. Кажется, что проливной дождь, бьющий по крыше, хочет вдавить дом ещё глубже в землю. ...На левом краю крыши потока¹ нет, торчат только большие деревянные лапы, на которых он раньше держался. На правом краю бревно-поток сохранилось. Широкое, наверно, изгнившее наполовину, выдвинутый вперёд конец его провис под собственной тяжестью. Срывается с него водяная полоска, сбиваемая иногда порывами ветра.

Алёше вид дома напоминал клоуна из цирка, клоуна с грустным лицом, когда тот плачет.

5

Утром Алёша встал с восходом солнца – «приранился», – как говорит Анна. Шума дождя не слышно. Тишина. Кажется, что со времени, как упали первые, ещё радующие капли, прошла целая жизнь. За окном всюду свежие краски. Лёгкой, стелющейся по земле дымкой нарождается туман. Весь неоглядный лес курится множеством невидимых изб...

«Вот и новый день. Новая страница жизни, как говорит Серёга», – подумал Алёша и принялся затапливать русскую печь.

Только-только солнце скинуло свой красный наряд и оторвалось от леса, не прошло ещё и получаса от пробуждения Алёши, как он заметил входящего в калитку Емелю, который, как солдат, прошагал по двору, громко хлопнул входной дверью, простучал кирзовыми сапогами по веранде, на перекошенном полу коридора ...видимо, поскользнулся, – и открыл дверь в избу.

– Что не весел, голову повесил?! – сказал, ещё не видя Алёши. – ...Печь топишь? – правильно. Уважаю. Я тоже люблю по утрам вот так же у устья посидеть, покупаться в тёплом дыхании мамки. – Он протянул руки к огню, словно они замёрзли.

Алёша внимательно наблюдал за Емелей.

– Погода! – сказал тот очень громко и оглянулся назад.

– Погода.

– Но теперь ничего, прояснело. ...Эх-хе-хе.

---

¹ Поток – бревно с выдолбленным желобом, служащее для стока воды с кровли.

– Эх-хе-хе-хе-хе, – повторил Емеля через несколько секунд, разглядывая фотографии на стенах. – Эх, Лёшка, пропадаю! А давай-ка, Алексей Георгиевич, поедem на рыбалку на ночь. Ты как, готовый к такому делу?

– Давай.

– Только погодим. – Он присел на корточки, и Алёша заметил, что глаза его засветились. – Вот только наносной воде дадим убежать и мусор унести. Это нам несколько дней на подготовку. Сеток, правда, всё одно не поставишь – илить будет, рыба не пойдёт. Но мы её обманем! На рогатки ловить будем.

...Выплыли из деревни в тумане. Над водой он бежит, поигрывает, а на берегах лежит неподвижно. Сквозь пелену тумана едва различимы прибрежные кусты, похожие сейчас на далёкие горы или на огромных животных. Туман настолько густ, что, бывает, не сразу поймёшь, куда править, и кажется, что Емеля повернул обратно. Иногда приходится огибать травяные островки и отмели. Лодка почти неслышно разбивает водную гладь, задевает своими бортами и дном речную растительность, и каждая травинка шепчет: «Привет! Привет!» Весло погружается в воду с тихим мелодичным звуком, образуя при этом маленькую убегающую назад воронку. Иногда весло стучается о борт лодки, и этот звук кажется слишком громким, но он сразу поглощается особой тишиной тумана. В ведре, стоящем у Емели за спиной, побулькивают живцы – маленькие колючие окуньки, которых наудил Женька. ...Нет-нет и донесётся откуда-то с быстрины говор реки, занятой своим делом, или вдруг совсем недалеко ударит крупная щука.

Емеля не начинает разговор, молчит, улыбается в бороду и молчит. В лодке сидеть без движения холодно, Алёше поневоле приходится подёргивать плечами. Он то и дело опускает ладонь в воду: тёплая, как парное молоко. «А может, молоко? А берега кисельные», – придёт в голову. Зачерпнёт горсть воды, поднесёт к самым глазам, будто так не видно: нет, не молоко. Лодка слегка покачивается из стороны в сторону, покачивается и Алёша. Голова и плечи его опускаются, расслабляя мышцы. ...Незаметно закрываются глаза, туман обволакивает всё тело и несёт куда-то на своих крыльях. Сон, утренний сон обнял ласково.

– ...Ну что, выпался?! – крикнул Емеля, и Алёша чуть не выпал из лодки, до боли вцепившись пальцами в борта.

– Во! Я уже давно дождаю, скоро ли ты вывалишься да искупаешься, примешь утренние процедуры! Пора, парнёк, рогатки ставить! Это ж надо так заснуть. Молодость проспий! Но ничего, не выпал, в нашу породу.

Алёша всё ещё не пришёл в себя, хлопает испуганно глазами. Тумана нет. Лодка от криков Емели, от его смеха, качается. В глазах Алёши качается голубая поверхность воды, вся в зелёных лопушках, в белых лилиях. На поверхности воды качается искажённое волнами, идущими от лодки, отражение солнца, уже слегка поднявшегося над лесом. С одной стороны реки – сосновый бор, с другой – полянка. Густо пахнет травой, на нарядах которой начинают подсыхать украшения росы.

– Гляди, какая луговина! Широкие Пожни, наши с Аней сенокосы. В своё время из-за них с другими воевали, а теперь зарастают. Их ещё капустниками зовут. Капусту здесь растили. Видишь, в своё время отняли у природы, а теперь природа обратно вертает. Кончилась аренда.

– От Широких Пожен и ставить начнём. Самолучшие места. Промой глаза, да гляди как рогатки настораживают. Прокорм будет. ...Ну, Лёшка, хоть сладко приснилось?

– Как будто мы в облаках плывём, а с обеих сторон от нас чудесные животные кивают нам головами...

...В обед на небе появилась туча.

Емеля встал в лодке, поглядел на тучу из-под ладони и сказал уверенно:

– Грибная! Тата раньше на сенокосе такую увидит и приговорит: «Не бойтесь, робята, это-о хле-еб-ные морока». Давай, Лёшка, позаботимся сами о себе. Ищи куст погуще, спрячемся под него, хоть не всякая капля с лёту... – Он стал грести, разгоняя лодку и глядя вдоль по реке. – Где-то тут черёмуха стояла, моя старая знакомая. Лёшка! Ягод наедемся, даров природы!

И действительно, уже через пару минут Емеля так умело направил лодку по самому берегу, что они оказались под защитой старой, нависшей над рекой черёмухи, все ветки которой отяжелели от никем не тронутых спелых ягод.

Емеля смело встал в лодке прямо в гущу веток и, нахваливая, ел ягоды, срывая их поочередно то одной, то другой рукой, стараясь выбирать самые крупные. Несколько сплюнутых косточек застряли у Емели в бороде, но он не замечал этого. В воздухе чувствовался терпкий запах потревоженной черёмухи. Алёша боялся вставать в лодке, и ему достались только те «дары природы», до которых он смог дотянуться. Сладкие, с своеобразным вкусом, напоминали они что-то из детства.

Алёша, придерживаясь за борта (лодка от возни Емели качалась), запрокинул голову и посмотрел вверх, где местами от ягод чернело. Сквозь небольшое окошко в листве увидел тучу. Тёмная, она уже закрыла собой солнце (и краски вокруг потускнели), но солнце всё-таки выглядывало из-за неровных краёв отяжелевшего облака. Казалось Алёше, что сейчас солнце пронзит тучу лучами, прорвётся сквозь намокшую вату. ...Пошёл дождь, сначала редкий, потом зашумел. Вот они остывшие солнечные лучи, прошедшие сквозь намокшее облако. Летят к нам дождинками. А река во множестве, вразнобой, открывает маленькие ротики, чтобы проглотить капли...

– Эх! Хороша черёмуха. Люблю! Рот вяжет, хоть лишнего не скажешь. – Емеля, наевшись, сел. – Запомнил, Алексей Георгиевич, которые твои рогатки?

– Чего?

– ...Твои, говорю, рогатки с одничками, тата ещё ладил. Не бойсь, с моими не спутаешь, у меня подписаны. – Голос Емели приглушало шумом дождя. Стало свежее. – Кто-то в детстве велел подписывать. И у меня на каждой рогатке, на ручке, буква «П» вырезана. Ты будешь себе делать – букву «А» вырезай.

Емеля помедлил немного и продолжил:

– А ты заметил, что нитку на рогатку восьмёркой накручивают, знаком бесконечности? – И замолчал, видимо слушая дождь.

...Алёша задумался: и в самом деле, капроновую нитку или леску, чтоб они не путались, не слетали, накручивают восьмёркой на оба конца рогатки. Вспомнил Алёша, что, когда цепляют живца, поводок из проволоки надо вставлять ему под жабру так, чтоб вышел в рот...

– А живцу не больно? – спросил.

– Как не больно? Живое. Конечно, больно. Я ещё в детстве эту науку узнал. Я тогда на рыбалку с татой готовился, рогатки делал и вот ножом ноготь на большом пальце сорвал. Наполовину. Половина сходит, половина вновь нарастает – живое место, болючее. ...Дней через пять поехали мы с татой: он – с сетками, я – с рогатками. Стали сетку ставить, и мне ячеей за ноготь зацепило. Как я закричал! Заревел! А как больно! А лодка разгон взяла, сетка тянет. ...Не знаю, как и стерпел.

Тата лодку остановил, сетку у меня с пальца снял и говорит:

– Больно?! Худ тот рыбак, который не знает и не слышит, как рыбе в сети и на крючке больно.

А сетку надо дальше ставить. Ещё два раза мне за ноготь зачаливало. С тех пор знаю я, как рыбе в сети больно. ...А как попадёт много белой рыбы и в лодке чешуя от неё, сразу вспоминаю про ноготь и палец ноет. А то некоторые: «Пусть ловят другие, а мы будем есть». ...Про то, как рыбе больно, ты у Юрика попытай, он зверей ловит...

Емеля замолчал, и Алёша больше не спрашивал его ни о чём.

Дождь то стихал, то принимался вновь, но, похоже, сеял последний запас. Сквозь лёгкое марево глядело яркое солнце. Оно словно проверяло своими многочисленными лучами, чтоб на всём лежали маленькие слезинки, упавшие с неба.

Черёмуха уже пропускала капли, они, стекая по листве, собирались в большие, тяжёлые. Алёша, стараясь угадать, откуда упадёт следующая, ловил их в ладони или на язык. Он искал глазами очередную каплю, когда в проём между нависшими ветками черёмухи, в проголызину, как бы сказал Емеля, увидел... радугу. Она исходила из середины реки полупрозрачной лентой, похожей на вышитую окаёмку полотенца.

Чудо. Лёгкое видение. ...Начало радуги – такое близкое! – парило над поверхностью воды, как пламя над газовой горелкой. Подумалось Алёше, что за цветную дугу-тесёмку Земной шар надёжно подвешен на огромной рождественской ёлке. Порвись тесёмка, упадёт шарик и разобьётся...

– Ну как коняга? – засмеялся Емеля.

Алёша вздрогнул! Он и забыл, что не один.

– Я нашему Лёшке сколько говорил: раскрась дугу краской, всегда с радугой будешь. Нет, не желает. ...А ты чувствуешь – дождь уже прошёл и капает только с куста, капли набухшие, тяжёлые. И если ветер дохнёт, с веток густо посыплет, прозвенит по воде. Словно под дугой глухой колоколец подвешен, лошадь уже запряжена в телегу, вскидывает нетерпеливо головой, переступает с ноги на ногу, поджидая хозяина. ...Погодим уплывать, пока радуга. Добро?

Весь оставшийся день не покидала Алёшу радость.

Расставив рогатки, ходом плыли до места ночёвки. От лодки к берегам расходятся лёгкие волны. С берегов нависли ивовые кусты, нагнулись, чтобы воды испить. В гуще ив перелетают с места на место, разговаривают птицы. ...Плёсо тиховодное, вся река усыпана лопушками. Весло переворачивает некоторые из них тыльной стороной, которая по цвету светлее наружной. И кажется, что это следы, что кто-то бежит сзади и толкает лодку. Алёша улыбается.

– Хорошо! – повторяет он в который раз.

– Да, хорошо, благодать. Вот для других эта лодка вертлявая, а для меня самолучший, самонадёжный корабль.

...Рыбаков в условленном месте встречали Юрий и Женька. У них уже давно был расплён костёр, дым от которого, цепляясь за ветки деревьев, здороваясь с ними за руки, тёк над рекой, привлекая к себе любого странника. И, известное дело, в отодвинутом с самого жара котелке томился чай с листьями ароматной смородины.

6

Хорошо лежать на пахучих еловых лапах у жаркого костра, особенно если несколько минут назад похлебал вместе с друзьями из большого походного котелка свежей ухи с зелёным лучком. Лежишь этак на спине в дрожащем коконе света, окружённом непроницаемой темнотой. Шевелиться не хочется. Под лопаткой чувствуешь еловый сук, с одного бока подбирается холод, с другого – приятно греет огонь. Сам уставился в ночное небо, с которого, сквозь кроны сосен, глядят на тебя звёзды. Костёр пощёлкивает, пускает иной раз щепотку искр!.. Они взмывают вверх, хотят, наверно, достать до далёких светил. ...Но где там?! – гаснут ещё в начале пути. ...Кажется, что и сам ты стремишься ввысь. Звёзды приближаются... приближаются... Или это небо наклонилось над тобой?..

– Лёшка! – сдёргивает одеяло сна разболтавшийся, как всегда, Емеля. – Уха-то из твоих щук. С одников только снимать худо.

Когда пошевелишься, и холод, и тепло огня чувствуются намного сильнее. Алёша повернулся на бок лицом к костру. Поправляя постеленный на еловые лапы плащ, вспомнил, как совсем недавно Емеля, прямо на весле, чистил трёх пятнистых длинномордых рыббин.

Емеля между тем рассказывает:

– ... Вот все знают, что у нас из церковного колодца самолучшая вода. Особенно огурцы солить – не темнеют! Уже эксперимент проводили. Из всех колодцев воду брали, из ручья, из реки – темнеют. А из церковного колодца – нет. Потому как ключ. Я только оттуда воду пью. ... Но никто не ведаёт, не знает, что в нашем комке глины, в нашем холме ещё один ключ имеется. Потаённый. Родничок не родничок – а проклюнулся он прямо на дорожке, что от моего дома к реке идёт, аккуратно на восьмой ступени. Маленький-маленький. Такой, что его заметишь разве летом, где-то в сенокос, на самом рассвете, иначе солнце высушит.

Проснёшься ещё в потёмках, сидишь, свежий крепкий чай пьёшь, ждёшь первых лучей солнца.

Кругом минута пробуждения!..

И вот пора.

Спустишься: так помотришь или рукой погладишь – на три-четыре ступеньки влажно. ... И днём, когда по дорожке проходишь, тоже... вспомнишь, ребята, про родничок и светло на душе делается. А то, что только в самую сухую погоду видно, так разве в дождь малый родничок взглядишь? Может, если копать, и сильнее побежит...

... Глядя на огонь, обнимающий дрова, Алёша засыпал. Сквозь дрёму он уже не разбирал слов, сказанных Емелей, голос которого, переплетаясь с песней небольшого, впадающего в реку ручейка, убаюкивал. ... Над длинным, почти в рост человека, костром выделась, а может, снилась Алёше огненная лодка осиновка.

* * *

– Стреляют! Стреляют! – Емеля замахал во сне руками, ворочаясь, скатился с лежанки, угадал ладонью на уголь, ловко перескочил тлеющий костёр и замер, сидя на корточках и придерживаясь за землю руками.

Уже никто не спал. Все – Алёша, Юрий и Женька, стояли и смотрели на большое розовое зарево со стороны деревни. Оттуда слышались частые сухие выстрелы.

На крик Емели не обратили внимания.

... Алёша стоял, захватив правой рукой кончик еловой разлапистой ветки, Юрий закуривал, нервно чиркая спичкой, Женька, обняв молодую осинку, почти повиснув на ней, тянулся головой на тонкой шее, да и всем телом, к зареву.

– Это из ружий! Из ружий это! – заторопился он, переступив на месте. – Из автоматов по-другому. Помнишь, у нас на дороге бандитов ловили? Я слышал. Ту-ту-ту-ту! Ту-ту-ту-ту! Потом из большого какого-то: бу-бух! А это из ружий. Из ружий.

– ... Боеприпасы, – почти прошептал Юрий. – Не должно быть... – Помолчав, он крикнул на Женьку: – Заливай костёр! Домой!

– Вы с Алёшей берегом, мы с Женькой на лодке. – Емеля, сообразив, в чём дело, побежал к реке. Застучал по дну лодки веслом, выплёскивая воду. – Женька! Возьми ведро из-под живцов, залей, правда.

Юрий стоял ещё с полминуты, что-то соображая, и опомнился, только когда Женька стал лить на угли принесённую воду. Юрий сорвался, шибко зашагал по тропинке. Алёша едва поспевал за ним. Слышно было, как уже вдогонку, Емеля крикнул:

– Это шифер! Шифер на доме трещит!

Скоро Юрий сбавил ход, и Алёша смог перевести дух. От неожиданного пробуждения, от крика Женьки: «Горит! Горит!», у него всё ещё болел затылок, а в груди дрожало. Он старался вспомнить прерванный сон, но не мог.

Лес не узнать, его словно вымазали углём. Везде тёмные пугающие пятна, то пней, то валежин. Тропинка заросла, и приходится пробираться сквозь кусты, которые, цепляясь за одежду, недовольно шепчут, стараясь расцарапать лицо.

Небо просветлело, звёзд на нём уже не видно. Вспоминаются вчерашние слова Емели: «Что ты, Алёшка, по такой погоде искр не бойся. Не запожарит. Звёзды между ветками висят, а ничего, так куда искрам?! Не бойсь, не бойсь...»

...Перед самой деревней, когда живое зарево заняло полнеба, Юрий обернулся и сказал:
– Телятник горит.

7

Люди, почти вся деревня, стояли на безопасном от огня расстоянии и смотрели. Языки пламени, дрожащие, обнимающие всё, что горит, шумно, с потрескиванием, поедали свою жертву. Вокруг по земле плясали тени, горела трава. Кое-где по сторонам, огромными колёсами, чернели рулоны сена, иногда ловившие на себя блики пожара. Тушить было бессмысленно. Крыша уже обвалилась, и шифер не щёлкал. В огне видны были почерневшие бетонные сваи – основа всего сооружения. Тёмный дым от пожарища, в отсутствие ветра, по дуге поднимался в небо и вновь опускался где-то за деревней.

– Что простые?! – крикнула Нюра на подходящих к телятнику Алёшу и Юрия. – На пожар без ведра, без багра не ходят. Загодя готовятся!

– Нюра!

– Стой ты на месте!

– Стой на месте! Без тебя тошно! – унимали её из толпы.

Но она, раскрасневшаяся, потная, с пустым оцинкованным ведром, всё металась вдоль пожарища в истерике:

– Молитесь хоть, кто крещёный!

Несколько человек затаптывали горящую траву, словно пританцовывали. На всех лицах огонь оживления. От пожарища дышит жаром – не подходи.

– Ой! Ой! – кричал кто-то. – Ой! Ой!..

Алёша обернулся на крик. ...Среди людей, которые переговаривались вполголоса, лежала на траве старуха, две женщины подкладывали ей что-то под голову. С растрёпанными седеющими волосами, с налитым кровью лицом, она совала правую руку под пиджак, чтобы придержать сердце:

– Ой! Ой! Ой, батюшки-свет!

Беготня и выкрики Нюры, треск и щёлк огня больно действовали на старуху, в которой Алёша узнал свою соседку. ...Юрий прикурил от горевшей травы, внимательно посмотрел на Алёшу и отошёл в сторону. Алёша запомнил его лицо, распалённое пожарищем...

...Когда совсем рассвело, а из-за тёмного леса поднялся жёлтый огонь солнца, на который нельзя смотреть, к Алёше, впавшему в оцепенение, подошёл Юрий и тронул за плечо:

– Алексей? Алексей?.. Пошли, Алёша, со мной в одно место. Пошли! Черники наедемся спелой.

Алёша взглянул на него и не сразу узнал, глянул на пожарище, на людей с другой стороны телятника, очертания фигур которых сквозь струи тепла и дыма искажались, и пошёл за Юрием. Казалось Алёше, что он всё ещё всматривается в себя, в свои чувства.

Шли не меньше получаса. Алёша не оглядывался по сторонам, ни о чём не думал и видел перед глазами только узкую тропинку да ноги Юрия в чёрных резиновых сапогах, быстро передвигаемые при ходьбе. Алёша старался шагать след в след, иногда ему казалось, что идут они в солдатском строю. ...Наконец стали подниматься в крутую гору, где земля на тропинке выбита ногами, а может, смыта дождём, отчего оголённые корни похожи на ступени. Вокруг стройные сосны. Они напомнили Алёше о местном кладбище.

Поднялись на холм, с которого открылся великолепный вид на голубой далёкий лес. Гора здесь крутая, с песочными осыпями. Если не слабый, если голова не кружится, осторожно подойдешь к самому краю и глянешь вниз. ...Спуск не такой отвесный, как представляешь, кое-где по нему островки травы, чем ниже, тем травы больше. В самом начале подъёма поросли ольшаника и осинника, видно, как на ветру поворачивают они свои зелёные ладошки; а чуть выше по склону, несколькими десятками копий, стоят и лежат вразнобой высохшие ёлочки, может быть, скатившиеся с кручи. Посмотришь на них и поневоле отступишь от края шага два-три, а потом окунешься глазами в вышину. Широко! Гляди и гляди, пари над землёй той светлой птицей, которая крыльями своими мечтает обнять мир. Минута прошла, вторая... Да кто их считает?! Сколько ни дыши ширью, ни пей голубую даль приоткрытым от удивления ртом, не сможешь наглядеться, не захочешь оторваться... Но всё-таки обернись назад. С противоположной стороны холма горка небольшая, а дальше – сколько может видеть глаз – ровное место и сосны, сосны, сосны... – страна сосен, между ними вытянувшиеся берёзки; подлеском: невысокие ёлочки да причудливо изогнутый можжевельник; кое-где зелёный мох перемежается с беломошицей, что напоминает расстеленную на столе карту.

– Вот, Алёша... Внизу река. А это наш бор, на который мы всей деревней по грибы ходим. Хотели его до деревца вырубить, да мы не дали. ...Садись, Алёша! Хочешь так, земля тёплая, а хочешь... – Он схватил приставленную к сосне доску и положил на землю. – Вот! Садись, садись, ешь чернику. – И сам уселся, захватил пальцами несколько ягод и отправил в рот. – Это Мишина Горка. Давно, говорят, жил у нас такой. Большой очень. Воды ему нельзя было пить, опухал. С Богом разговаривал. Рано и умер. ...Вот он эту горку и облюбывал. Если в деревне долго нету – знают, где искать. Вот и я Мишину Горку приметил. – Он, опираясь на руки, слегка запрокинул голову, прикрыв при этом глаза. – А знаешь, выйдешь из дома в потёмках, спать уже не можешь. Над рекой, в деревне и по полю туман, густой-густой... Или лучше иди в сентябре, когда приморозки. ...На переходе, особенно если вечером полоскали, тоненький ледок – смотри не поскользлись. Всё поле от инея белым-бело, будто молоко пролито, и опять скользко...

– Ну да, – перебил Алёша, ему была неприятна радость Юрия, когда одежда пахнет ещё дымом пожара, – наверно, ночью Млечный Путь отдыхал и брюхо распорол.

Но Юрий почти не обратил на эти слова внимания, только на секунду слегка приоткрыл глаза и глянул на Алёшу.

– ...А я всё равно иду. Хотя в стоптанных галошах и скользко. Свитер впопыхах забыл – зябко. Руками себя обнял, а всё тороплюсь-тороплюсь.

У нас от полянок сначала кустарник, лиственные, и только потом сосны. Но я иду не так, как мы шли, – от реки, а иду кругом, через бор. Шагаю быстро, нет-нет да и побегу...

Подходишь к Мишиной Горке и поневоле шаг сбавляешь. Ног не чувствуешь, себя не чувствуешь, наперёд знаешь, что будет! Не в первый раз. Если тихо, то слышно, как на переборе шумит река. А снизу... свет поднимается, потому как круто и нет там земли...

Не заметил как, а ты уже на самом чупушке Мишиной Горки. Шёл ли последние метры, а может, летел?

Внизу, где река, немного сбоку, лицо солнца. Нигде его ещё не видно: ни в деревне, ни в поле. И ты знаешь это! А тут оно уже улыбается, как морщинки разбежались от него в

разные стороны красные лучики, зажгли стволы сосен. ... И вот стоишь, словно среди огромных свечей, маленький карлик. И молиться хочется и креститься... Падаешь на колени...

– Молиться в церкви надо, да и про сосны я уже где-то слышал, – опять что-то дёрнуло Алёшу.

Юрий внимательно, как на пожаре, посмотрел на него, с силой сжал веки несколько раз, отвернулся и сказал тихо:

– Худо дело. Учит тебя Емеля, учит, а ты всё как дурак. Глупый ещё... – искал он слова, – молодой. Да и я такой же...

Юрий ещё что-то говорил, но Алёша больше не слушал, не мог слушать, то, что таилось в нём с самого пожара, поднялось во весь рост, вытянув свои лапы в Алёшины руки и ноги; внутри закипело. «Глупый», «дурак» – это бы он стерпел. Но... – «молодой!». В школе его так и звали: Зелёный, или ещё: Одуванчик. «Ладно! – распалил он себя. – Ладно!» ... Вспомнилось, как в таких случаях отвечал Серёга. Алёша улыбнулся нехорошо.

– Знаешь что? – спросил он Юрия, который глядел куда-то вдаль и ел чернику. – Как вас по батюшке? – Словно не знал, как дядьку зовут, а может, и забыл.

– Серафимович. Дед у нас чудак был, не знаю, чего ему вздумалось так отца назвать.

– Юрий Серафимович, а ведь Колобок тоже долгое время думал, что он разносторонняя, так сказать, круглая личность. Пока однажды не получил пинка и не улетел высоко-высоко, стукнулся лбом о луну и стал стремительно падать вниз, удивляясь, как невероятно быстро увеличивается в размерах этот Земной шарик.

Юрий помолчал немного.

– А знаешь, Лёша, ведь Колобок – это хлеб. – Он лёг на землю, раскинув руки. – Давай в небо глядеть.

Алёша ничего не ответил. Слова Юрия: «Колобок – это хлеб» – поразили его. Он посидел несколько секунд и тоже лёг, примяв мох и раздавив, наверно, не одну черничину, которые в отместку замарали пиджак. Со стороны кажется, что тела двух людей, лежащих на бору, выросли подобно грибам: земля вытолкнула их наружу, и они теперь в объятиях мха и ягодника.

По небу плывут лёгкие с неровными краями облака. Наблюдаешь за ними и успокаиваешься, ни о чём постороннем не думаешь... «Облака – белогривые лошадки», – пришло Алёше в голову. Как же давно не лежал он вот так где-нибудь в парке отдыха или лесу, не смотрел в небо и не угадывал, на что похоже очередное, выплывшее в окошко между кронами облака.

... Со временем начинает казаться, что это не облака проплывают куда-то, а ты сам, раскинув руки и ноги, обдуваемый ветром, летишь!.. И даже не ты, а вся Земля. А деревья-волосы шумят кронами, сопротивляясь встречному ветру. Пахнет мхом, прелой хвоей, ещё чем-то, все эти запахи мешаются в один, с детства знакомый, успокаивающий. Хочется спать в объятиях бора, когда он поёт свою колыбельную, а покачивающиеся слегка сосны кажутся толстыми канатами, на которых подвешена твоя кровать. Вот уже и глаза, нет-нет, и закроются на несколько секунд. Не мешают даже редкие комары.

– Мне мама в детстве часто песню пела, – снова заговорил Юрий. – Хочешь спую?

– Хочу, – улыбнулся Алёша, и ртом поймал ягоду черники, висевшую на веточке прямо перед его лицом.

– Слушай:

Белые кораблики, белые кораблики
по небу плывут.

Белые кораблики, белые кораблики
Дождики везут.

Белые кораблики, белые кораблики

дождики везут.

Юрий улыбался. Он повернулся лицом к Алёше и выговаривал каждое слово с нежностью, видимо, стараясь петь точь-в-точь, как пела его мама:

Пристани корабликам, пристани корабликам
В небе не нужны —
Пристают кораблики, пристают кораблики
К маковке сосны.
Пристают кораблики, пристают кораблики
К маковке сосны.

В глазах Юрия блеснули слёзы. И тут же, словно в зеркале, в глазах Алёши тоже блеснуло. Чистые слёзы. Сквозь их кристаллы Алёша увидел маму Юрия и самого Юрия, совсем маленьким... И свою маму увидел, и себя, тоже маленьким...

Всё плывут кораблики, всё плывут кораблики
К нам издалека.
Белые кораблики, белые кораблики —
Это облака.
Белые кораблики, белые кораблики —
Это облака.

– ...Вот! Вот моя песня любимая. Мне, Алёша, всегда кажется, что в небе постоянно ангелы пролетают, просто мы их не видим. ...А отец у меня около телятника погиб.

– Как погиб?

– Плохо погиб. Нашли они с мужиками спирт, а он для того, чтобы котлы чистить. Сели у телятника, а пить бояться... Отец и выпил первым. «Ну как?» – спрашивают. А он схохотнул: «Хорошо!..» Ну, ещё двое выпили. Все трое и отравились, никого не спасли, больницы-то далеко.

– Тяжело, наверно: сам умер и ещё двух за собой?

– А ты как думаешь? Конечно. ...Я его плохо помню. А мама без отца вскоре заболела... А Серафим – хорошее имя. Мама рассказывала, что она с отцом через Есенина познакомилась. Она любила читать, и он читал. А потом, когда узнала, какой он простой настоящий человек, и вовсе без него жить не могла. Перед смертью, как уже лежала, руку поднимет, погладит мне волосы: «Ты, Юрочка, вина не пей и будь таким, как отец твой. Вот, знаешь, такие речки бывают и озёра. Вода в них чистая-чистая: смотришь и дно видишь, каждый вымытый камешек: кажется, рукой достанешь! А прыгнешь в озеро, с головой окунёшься – а до дна всё не достал...»

– У меня друг на гармошке играет, и он тоже Есенина любит, – перебил Алёша. – Они песни Есенина и Николая Рубцова разучивают. Он говорит, что мне рубцовский сон снится, вернее, снился. – Алёша, который уже сидел, опираясь левой рукой в землю, помолчал, слушая, как стучит сердце, рвущееся спросить. – ...А я своего отца не помню. Мне мама долго говорила, что он первопроходец, а потом призналась, что умер. «Болел, – говорит, – и умер». Ты его не помнишь? Как он? Чего?

Юрий глянул на Алёшу.

– ...Нет. Нет, не помню. – Вздохнул. – «И дремлет Русь в тоске своей весёлой, вцепивши руки в жёлтый крутосклон». – Помолчав, запел: – «Белые кораблики, белые кораблики...»

...Неожиданно Юрий прервал песню и ловко поднялся на ноги.

– Ладно! Никому не рассказывал, а тебе расскажу. Вот ты говоришь, в церкви молиться надо. Бывать в церкви надо. Я тебе про церковь и расскажу.

... Я тогда в одно село ездил по личному делу. А там церковь открыли. Старую восстанавливают. Спрашиваю там у одного, что за батюшка, есть ли матушка? (Я читал об этом много, так что знаю.) «Батюшка?! – говорит он мне. – Плохой у нас батюшка. Матушка была, да уехала, не понравилось в деревне». Порассказал мне, что теперь у батюшки то одна матушка, то другая. А любимая поговорка знаешь какая?

– Какая?

– Сделал дело – слезай с тела... Руки в наколках... Ну вот, прохожу я как-то утром мимо этой церкви (весь помятый после пьянки). Прохожу... Дай, думаю, зайду. Смелый! ... Зашёл. Служба ещё не началась. В церкви всё женщины: половина старух, половина молодых – свечи ставят, молятся. Один подсвечник настоящий, а другой с песком (свечи в песок втыкают). Икон не так много, в углу железная печка топится, потрескивает.

Одна старуха спросила:

– Если причащаться будете, то на исповедь.

Я и пошёл. Сказал, что, бывает, пью сильно, и молчу. А он спросил: «Не сквернословить?» – «Что ты? – говорю. – У нас, начиная с деда, никто не ругается, так уж воспитаны». Ещё спросил, читаю ли «Евангелие» и «Псалтырь», совершаю ли утреннее и вечернее правило. ... Отпустил он мне грехи. Началась служба. Стою, слушаю, крещусь вместе со всеми, поклоны совершаю. Но первый раз, пусть и «смелый», поклониться трудно было, я хоть и читал много, а в церкви до этого не был.

... Вдруг вижу, посередине церкви, человек на коленях стоит. Я разглядел его не сразу. Стоит он на коленях и молится: то руки кверху поднимет, то поклонится до самого пола. И видно его, знаешь, как в некоторых мультфильмах рисованных: предмет движется и изображение его медленно из одного положения в другое перетекает – та картинка ещё только пропадает, а эта уже появилась. Вот и у этого человека так. Правда, у него скорее получалось: только вроде руки к небу вознимал – а вот до самого пола склонился, едва-едва миг, когда изображение перетекло, успеваешь уловить. Словно... огонь при порыве ветра.

... И вот проявился второй человек. В длинной, до самого пола, одежде. Лица я его не видел, и даже глаз вверх не поднимал, только помню, что тот человек, который на коленях, край одежды Его (я уж понял, кто Он) рукой слегка приподнял и поцеловал. А как поцеловал – всё исчезло.

Я как очумелый стою, креститься перестал. И Дары принял, как вот ребёнок малый, вот, словно не помню: что я и где я. Старушка, которая до этого на исповедь отправила:

– Со Святым Причащением! – И просфорку мне суёт и в чашечке «теплоту». Сама улыбается, светится радостью. И словно не старушка это, а... икона.

В Бога тогда поверил, конечно. Раньше знал, что есть Он, а тут поверил. ... И всё думаю, кто же был тот, который молился?

8

Алёша открыл заслонку печи и достал чугунок с кашей. По всей избе грибной дух. Он настолько густой, что, кажется, бери ложку и ешь. Вчера Алёша принёс целую корзину белых грибов и до полночи перебирал их, – потому и встал сегодня поздно. Зато на печи и в печи рассыпью, а вдоль потолка на нитках, – тонко нарезанные пластинки. (На печи, и особенно в печи, эти аппетитно пахнущие пластинки уже слегка сморщились и изогнулись от тепла. Рука так и тянется перемешать.) Сегодня Алёша снова собирался на бор – нужны были деньги – а в Погосте принимают свежие грибы. Он поставил чугунок с тёплой кашей на стол, отрезал два

ломтя хлеба, сполоснул принесённый Емелей ещё вчера, вырванный прямо с гнездом, зелёный лук, взял в руки деревянную ложку и уже собирался садиться за стол, как в дверь постучали.

Алёша подождал. Постучали снова, и Алёше пришлось выйти на улицу.

Перед дверью, широко расставив ноги и спрятав руки за спину, стоял невысокий коренастый мужичок в заношенной, похоже, не армейской, форме и кирзовых сапогах. Чёрная борода его чуть загибалась вперёд, глаза маленькие, словно всматривающиеся в даль. На голове форменная тряпичная шапка с кожаным козырьком.

– Здорово, сосед! – пожал он Алёшину руку и зашагал из стороны в сторону на двух метрах, покусывая нижнюю губу.

– Значит, такое дело... Не сможешь маму в машину перенести? Увозим её, болеет. Куда она здесь одна? Видишь, уже и «козла» с работы пригнал, а на чём больше через реку пере-едешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.